

СЕРГЕЙ СТРАХОВ

ПРАВНУК
БРАНДМЕЙСТЕРА
СЕРАФИМА

गद्यचछजंझटठडढणत? गद्यचछजंझटठड
शदधज नपफबभमवखल। शदधज नपफबभम

अआइई
गद्यचछ
थदधज

रा

Сергей Страхов
Правнук брандмейстера
Серафима
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53624310

Правнук брандмейстера Серафима:

ISBN 978-5-907085-53-4

Аннотация

Слава Танюшкин живет в провинциальном городе и работает пожарным. Отправившись в свой первый настоящий отпуск на Гоа и познакомившись в самолете с красавицей Марианной, он и не подозревает, что ему предстоит... стать героем индийского эпоса, новым Рамой, и сразиться с ракшасами...

«Правнук брандмейстера Серафима» – это красивый, стремительный сюжет, что разворачивается в древнейшем из ныне населенных городов, по индийской космологии – в самом центре мироздания.

А главный герой таков, что уже через двадцать страниц становится для читателя родным человеком.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	57
Глава 8	64
Глава 9	72
Глава 10	77
Глава 11	90
Часть вторая	94
Глава 1	94
Глава 2	103
Глава 3	111
Глава 4	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Сергей Страхов
Правнук брандмейстера
Серафима

Посвящается моей жене Оксане

© С. Страхов, 2020

© ИД «Городец», 2020

Предисловие

Человек, который всем (и самому себе) кажется обыкновенным, внезапно, по цепочке случайностей (и это не случайности, конечно), попадает в собственное, одному ему предназначенное место силы. И все меняется.

Нет, это не про попаданцев. Это про нас с вами.

В книгах такое происходит намного чаще, чем в жизни. Но писатели не столько выдумывают, сколько обнаруживают таинственные тропы, которые ведут человека к самому себе. Конечно, работает фантазия, конечно, применяется фантастика. Но фантастическое в таких книгах метафорично и символично.

В романе Сергея Страхова «Правнук брандмейстера Се-рафима» главный герой – потомственный пожарный. У простого парня Славы Танюшкина особые отношения с огненной стихией. Может, мистическая связь. А может, храбрость и мастерство. Или одно неизвестным способом переплавляется в другое? Слава сам не понимает, как это работает.

Танюшкин летит в отпуск на Гоа, но попадает совсем в другое место. Священный город Варанаси, город великого бога Шивы. Город-храм, город-крематорий. Жирно дымят погребальные костры на берегу Ганги. По реке проплывают полуобугленные трупы. Нет, это не результат криминала. Это останки тех, кому не хватило денег на дорогие дрова. Но

все равно – умереть и быть сожженным в Варанаси значит разорвать круг перерождений. Старики, почуявшие близкий конец, ждут в Варанаси прихода смерти, месяцами живут ради этого в приютах. На европейский взгляд, кошмарные картины. Если смотреть из глубины индийской культуры – Варанаси величав и прекрасен. Сердце Варанаси – священный огонь.

В романе Сергея Страхова, как и у Нила Геймана в «Американских богах», действуют древние божества: Брахма, Шива, Ганеша. Нил Гейман взял эпиграфом к одной из глав цитату из известного индолога Уэнди Донигер О'Флаерти, так писавшей об индуистских божественных сущностях: «Это символы, до которых не может возвыситься ни один человек... Это актеры, которые разыгрывают роли, реальные только для нас; это маски, за которыми мы видим наши собственные лица». Боги в романе Сергея Страхова – самостоятельные персонажи, очеловеченные «ролями» до психологической достоверности, свойственной реалистической прозе. Одновременно они – часть нашей культурной ДНК, глубинная, архаичная, не всегда осознаваемая. Потому они могут управлять нами и нас символизировать.

Что же происходит в книге? Боги решили переиграть сюжет «Рамаяны», заново выпустить в человеческий мир демонов-ракшасов. Славе Танюшкину, человеку огня, достается в Варанаси роль нового Рамы. Исход дубль-войны неизвестен. Танюшкин, конечно, не готов. И при этом в Варанаси

он не один.

Всякая человеческая судьба – сад расходящихся тропок. В свое время Танюшкин мог отмазаться от армии, уехать в Москву, поступить в институт, сменить фамилию на более благозвучную, сделать карьеру в банке. Получился бы совсем другой человек: трусоватый, потому что зависим от начальства и всегда висит на волоске; амбициозный, замахнувшийся на уровень жизни, который пока не по карману; конечно, утративший родовую связь с огнем. В жизни, когда человек проходит развилку, реализуется один вариант. В романе состоялись оба. А что будет, если Танюшкины встретятся? Этот сюжетный эксперимент автор ставит, разумеется, в Варанаси, где возможно если не все, то многое.

Роман Сергея Страхова можно читать как увлекательный экшен, окрашенный мягким юмором и поддержанный изрядным знанием индийской мифологии и современной Индии. А можно увидеть здесь новый извод постмодернизма, продолжающий играть классическими сюжетами, но обращенный к искреннему чувству.

Ольга Славникова

Пролог

– Целых два миллиона долларов...

– Всего два миллиона долларов! Господа, у вас такой вид, будто вот-вот наступит конец света, а речь идет об обычной комиссии за организацию сделки!

Светловолосая женщина лет двадцати семи в дорогом темно-синем костюме встала и решительно, по-мужски протянула руку одному из собеседников, которые тоже стали торопливо подниматься, собирая разбросанные по столу листы бумаги.

На ее лице застыло безмятежное выражение. Губы растянулись в вежливой улыбке, обнажая ровные зубы. В зрачках, в радужках глаз цвета серого шлифованного гранита ничего нельзя было прочесть.

Так смотрит античная статуя – взгляд обращен внутрь себя и в то же время скользит по залу музея, никогда не встречаясь с глазами толпящихся внизу посетителей.

– Господа! Было приятно с вами работать! Спасибо за конструктивный подход!

Последние слова она произнесла ровным, ничего не выражающим тоном, но угрюмо застывшие мужчины почувствовали скрытую иронию. Что греха таить, они ее недооценили.

Стройная фигура исчезла в дверях переговорной, а двое клиентов, генеральный директор и юрист, еще некоторое

время молчали, приходя в себя.

– Инвестбанкиры – люди не сильно приятные, но эта – просто стерва! – первым не выдержал юрист.

– Хуже! – генеральный сорвал с потной шеи галстук и бросил его в портфель. – Такое впечатление, что она до копейки просчитала, сколько мы готовы заплатить, и давила до последнего. На вид – кукла Барби, а на деле – компьютерная мясорубка!

А Марианна в это время быстро шла по коридору банка, и мужчины, как всегда, оборачивались ей вслед. Но сейчас ей было плевать на их восхищенные взгляды, хотелось поскорее остаться одной.

Встреча с клиентами только началась, а таблетка уже перестала действовать. В висках снова заворочалась горячая пульсирующая боль. Слушая в этот момент юриста, она механически кивала, напряженно следя взглядом за тем, как шевелятся его губы, но с трудом понимала, о чем он говорит.

Мелькнула трусливая мысль извиниться и опрометью убежать из переговорной, но она знала, что делать этого нельзя. От успеха сегодняшней встречи зависела годовая премия всего департамента...

Еще несколько шагов, и она наконец в своем кабинете. Проглотила сразу две таблетки пенталгина. Запила остывшим чаем. Подошла к окну и привычно прижалась лбом к холодному влажному стеклу. Медленно прикрыла глаза.

Последние дни слились в один бесконечный кошмар. На-

до было заканчивать сделку, а у нее ни с того ни с сего случилась бессонница. Лишь под утро удавалось задремать на час или два. А в семь звонил будильник, и она плелась в душ, постарушечьи шаркая икейскими тапочками. Потом заваривала крепкий кофе и, заставив себя проглотить пару бутербродов с сыром, ехала на работу.

От постоянного недосыпа весь день зверски болела голова. Таблетки Марианна пила чуть ли не горстями, и они ей совсем не помогали. В субботу выбралась к врачу, но только напрасно потеряла время. Ей померили давление и рекомендовали взять отпуск, а в идеале – сменить род деятельности. Хороший совет, не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать...

На столе завибрировал мобильный. Она нехотя отошла от окна и взглянула на экран – с фотографии улыбался молодой загорелый брюнет. Помедлив, поднесла телефон к уху.

– Привет! Надеюсь, ты их сделала? А то пропала на целую неделю! – загремел раздражающе веселый голос. – Привет, Кирилл! – ответила она ровным тоном. – Сделала. Завтра закроем сделку года.

– Нисколько в вас не сомневался, миледи! Тебя уже можно называть старшим вице-президентом?

Она проигнорировала его вопрос и, сдерживаясь, спросила:

– Ты из-за этого позвонил? Или у тебя что-то срочное?

– Конечно! – охотно откликнулся он. – У меня для тебя сюрприз! Я взял нам билеты...

– Ты знаешь, я терпеть не могу сюрпризов! – Марианна поморщилась и привычно потерла ноющие виски. – Но сегодня удачный день, прощаю! Куда билеты? В Большой?

– Не угадала! – засмеялся ее невидимый собеседник. – Помнишь, ты говорила, что заниматься йогой в Москве скучно? А через две недели у тебя отпуск по графику. Вот я и придумал купить билеты в Индию! Полетим вместе со знакомыми ребятами...

– Куда?!

Она злилась на его дурацкую выходку и знала, что делать этого нельзя – сейчас у нее подскочит давление и начнет ломить виски и затылок.

– Сначала в Дели, а потом в Варанаси! Это город на Ганге...

– Какой еще Варанаси?!

Удивительно, но, вопреки предчувствиям, название неизвестного индийского города произвело противоположный эффект – в голове слегка прояснилось.

– Только представь: древняя магия, тайны богов, праздник огней Дивали...

Казалось, он зачитывает рекламный проспект.

– Ты еще про тантрический секс вспомни! – снова взорвалась она, не думая о последствиях. – Совсем с ума сошел? Мы же в Рим собирались! Откуда ты взял этот свой Варана... си...

Она запнулась на полуслове и недоверчиво прислушалась

к новым ощущениям. В голове разливалась удивительная легкость. словно гелий в воздушном шарике. Странно...

– Рим? Да что там хорошего в ноябре?! – продолжал вещать из динамика жизнерадостный голос Кирилла. – Оди дожди! Не упрямяйтесь, миледи. Говорят, в Индии нужно побывать хотя бы раз в жизни!

Часть первая

Глава 1 Боги

Двое сидели за столиком дешевого кафе, откуда открывался чудесный вид на Гангу, и ели рис со шпинатом. Трудно было представить более непохожих собеседников.

Первый – молодой красавец в темных очках, чье суровое лицо словно сошло с киноафиш Болливуда. На крепкой шее – серебряная цепочка с жутковатыми подвесками. Стоило ему пошевелиться, начинали покачиваться крохотные черепа, искусно вырезанные из кости.

Второй – смешной толстячок неопределенного возраста с круглой лысой головой, огромным носом и оттопыренными, как у слона, ушами. Он сидел, терпеливо сложив пухлые руки на большом животе, и его маленькие умные глазки с грустью смотрели на молодого спутника. – Никак не могу привыкнуть к твоему новому виду, – заметил первый, захватывая лепешкой рис и отправляя в рот. – Рассказывай, что там у тебя стряслось.

– Ваша жена беседовала с Бр... – робко заговорил толстячок глуховатым голосом.

– Называй его господин Б, – поморщился собеседник. – В конце концов, это мой город и мои правила.

– Хорошо, – послушно согласился тот. – Так вот, она попросила господина Б. продолжить историю ракшасов с момента гибели Раваны...

– Но зачем? – поразился молодой, переставая жевать. – Как ей такое в голову пришло?

– Ей скучно. Не сочтите за дерзость, но вы так редко бываете дома.

– Женщины! Ей скучно! Прекрасная причина перевернуть мир вверх дном! Надеюсь, наш великий творец ей отказал?

– К сожалению, не сумел. Вы знаете его доброту...

– Его доброта у меня поперек горла! – молодой, словно ему не хватало воздуха, рванул ворот рубашки, открывая нашее большое родимое пятно чернильного цвета. – В прошлый раз он подарил Раване, как бы это сейчас назвали...

– Полный иммунитет, – почтительно подсказал собеседник.

– Точно! – согласился красавец. – А до этого похожую шутку он проделал с асурами. И нам пришлось здорово потрудиться, чтобы решить проблему. Уму непостижимо, как можно раздавать такие обещания!

– Вы правы, но...

– Вот уж новость так новость, – словно размышляя вслух, заговорил молодой. – Равана мертв, но его сторонники толь-

ко и ждут, чтобы вырваться из своих нор. На них тоже распространяется этот проклятый иммунитет. Того и гляди начнется новая война, а у нас связаны руки... – Война неминуемо начнется! – огорченно откликнулся толстячок. – Господин Б. дал обещание, и оно уже запустило цепь событий. Хотя какое-то время у нас есть.

– А почему нельзя прекратить это в самом зародыше? – крылья точеного носа красавца побелели от сдерживаемой ярости.

Он произнес свои слова, не повышая голоса, но разговоры за соседними столиками внезапно смолкли, потому что люди почувствовали, как тяжело стало дышать. Спешивший с заказом официант замер посреди зала, хватая воздух разинутым ртом.

– К несчастью, даже вы не в силах повлиять на сценарий новой истории, – успокаивающе заговорил его спутник. – Сценарий пишут не люди и не боги, линия судьбы сама решает, каким ему быть.

– Но хотя бы выбрать главного героя? Уж на это-то мы способны? В конце концов, все будет зависеть от того, как новый Рама сыграет свою роль! – молодой с трудом взял себя в руки.

– Нет, – покачал головой толстячок, – максимум, что мы можем – это попытаться его найти до того, как наступит кульминация.

– Вот и займись этим, – мрачно посоветовал красавец, от-

ставляя в сторону пластиковую тарелку, – а то пока мы треплемся, как два кинопродюсера, мир катится в пропасть!

Глава 2

Горящая путевка

Внутреннее «я» Славы Танюшкина, который в свои тридцать три отличался завидным ростом и разворотом плеч, раскололось на две неравные части.

Один Танюшкин, маленький, словно игрушечный оловянный пожарный, сейчас пробирался к выходу из подвала горящего здания, волоча за собой бесчувственное тело начальника караула Рожнова.

Пот горячими ручьями тек по лбу, щекотал брови и ел глаза. Он ослеп в дыму и почти оглох. Слышал только рваные всхлипы собственного дыхания в легочном автомате и пронзительный свист сигнального устройства.

Сигнализатор надрывался уже целую вечность. Воздух в баллоне заканчивался, и Танюшкин знал, что времени у него оставалось в обрез. Однако он медленно и упрямо пер на четвереньках вперед, и ему не приходило в голову перерезать веревку, на которой он тащил начкара, и выбираться одному.

Танюшкин, тот, который игрушечный, не думал о смерти, ему было не до того. Он работал: сосредоточенно шарил по стене рукой, нащупывая дорогу, рывком подтаскивал неподъемную тушу Рожнова, останавливался передохнуть и стучал пристяжным карабином по гулкой кафельной плитке. Не терял надежды, что ребята из его отделения услышат и

придут на помощь. Мысли в оловянной голове ворочались самые простые:

«Ну что за человек Рожнов! Как в отпуск, так Танюшкин не заслужил, а как в подвал, так – Танюшкин, за мной!»

Другой Танюшкин, такой большой, что его невидимые плечи упирались в стены коридора, видел и слышал все. Он физически ощущал, как дым перестает течь и, повторяя форму параллелепипеда коридора, застывает в жарком пространстве, упругий и плотный, как поролон.

Он смотрел, как внизу движется по длинному коридору его игрушечный близнец, мокрый, словно его окунули в купель с горячим потом, как страшно хрустят у него под боевкой лопатки, мышцы ног сводит судорогой, а сильные руки дрожат и предательски подламываются. Видел под маской синюшные губы и липкую восковую щеку Рожнова, знал: инфаркт, начкара не спасти.

Он чувствовал, как истончается и тускнеет нить человеческой жизни, как прозрачные невесомые молекулы воздуха вырываются из горла стального баллона и неумолимая стрелка манометра движется по красному сектору к мертвой нулевой отметке.

Он видел, как огонь настороженно наблюдает за ним, прячась за раскаленной кирпичной кладкой и дубовыми, сделанными на совесть, перекрытиями потолка. Будто гигантский рыжий пес, который изготовился к прыжку и вдруг замер, бешено раздувая ноздри, пробуя на вкус знакомый за-

пах, который всколыхнет в его сознании сотни размытых образов.

Он ясно различал светящуюся фигуру высокого человека в пожарной каске с гербом, какие носили брандмейстеры в начале двадцатого века. Отсветы пламени плясали на крутом медном гребне и вспыхивали в густых огненных усах. Мерно поскрипывали сапоги гармошкой из лоснящейся хромовой кожи. Человек медленно шел по коридору, мягко ступая по скользкому кафелю, и его потное медно-красное лицо было торжественным и суровым.

Рядом с ним, ничего не замечая вокруг, теряя последние силы, полз на карачках к выходу упрямый оловянный Танюшкин. Полз и тащил за собой тело хмурого неуживчивого начкара Рожнова, тяжелое, как кожаный мешок, набитый охотничьей дробью.

А потом воздух в баллоне закончился, и оба Танюшкиных, и большой и маленький, перестали существовать...

– Посмотри, на кого похож! Тебя, как курицу, на кухонных весах можно взвешивать! – бушевала старшая сестра, яростно запихивая джинсы Танюшкина в потертую красную сумку с белой надписью «Спорт». – Два дня как из больницы, а заладил: «Индия, Индия»!

Мать, такая же маленькая, ершистая, помалкивала, недовольно поджимая губы.

– Так я что... я ж не говорил ничего... – виновато бубнил Слава, провожая взглядом исчезающие в сумке джинсы, ко-

торые он как раз собирался надеть.

– Чем тебе, скажи на милость, наша средняя полоса не угодила? А прививки? Там же малярии всякие!

– Да спрашивал я насчет прививок, спрашивал. Сказали, на море не надо. Гоа – вообще не Индия, – примирительно отвечал Слава, терпеливо извлекая из сумки только что засунутые сестрой джинсы и сочиняя на ходу: – Здоровый сухой климат...

Он провел ладонью по ежику выгоревших волос, снова с огорчением отметив, что на макушке они продолжают редеть, и неопределенно пожал широкими плечами. Его добродушное лицо выражало мучительную растерянность.

Танюшкину было стыдно. С отпусками в их семье дело обстояло непросто. Мать и старшая сестра Наталья полагали, что он в свои тридцать три еще недостаточно взрослый, чтобы самому выбирать, когда идти отдыхать. И без него все давно распланировано – каникулы у племянников, дача, огород. Спорить с ними было себе дороже.

Однако на этот раз вмешались обстоятельства. Сначала Рожнов порвал его заявление на отпуск, а потом случилась вся эта история с пожаром в гостинице, занимавшей бывший купеческий особняк, и он оказался на больничной койке...

Танюшкин тяжело вздохнул, вспоминая недавний разговор с командиром отделения Чижевым. Тот пришел проведать его в госпитале перед выпиской.

– Черт-те что творится! – начал он, бухая на тумбочку

увесистый пакет с богатырскими красными яблоками, густой аромат которых сразу поплыл по палате, побеждая едкие больничные запахи. – Похоже, теперь на начкара всех собак повесят! В городе уже пошли разговоры: мол, неверно оценил обстановку, вторую категорию пожара объявил, когда уже полыхало так, что мама не горюй!

– Рожнов-то чем виноват? – не поверил Танюшкин. – Он с этажей всех людей вывел, лично проверил, что все чисто. Мы с ним замыкающими шли, когда нас огнем отрезало и пришлось через подвал...

– Ты классный тушила, Славка, – перебил его Чижев, – но ты ни хрена не разбираешься в политике!

– В какой еще политике? – не понял Танюшкин.

– Владельцы здания верещат как недорезанные. Мол, мало пожарных расчетов прислали. Страховая сильно недовольна. Ясное дело, им платить не хочется. Экспертов нагнали, под ногами так и шастают.

– А наше начальство что?

– Они ж тоже люди. Если бы ты Рожнова живым доставил, тебе, как герою, медаль на грудь. А так – для отряда ЧП в квадрате! Он – на кладбище, а тебя нашли с пустым баллоном и еле откачали. Сказать по правде, ты сейчас не герой, а нарушитель техники безопасности.

– Слушай, забыл поблагодарить! Это ж ты меня вытащил! – неловко спохватился Танюшкин.

– Врачам спасибо скажи! – отмахнулся Чижев. – Ты, Слав-

ка, всегда был везучим! Но вот что странно: ты до двери пять шагов не дошел, вырубился. А позади вас обрушились перекрытия. По всем законам физики огонь должен был рвануть к выходу и накрыть вас к чертовой матери, а он, наоборот, отступил!

– Чего только не бывает, – вяло согласился Танюшкин, и мысли его переключились на другое.

О смерти Рожнова он узнал на второй день. Только пришел в себя на больничной койке, а уже начал живо представлять, как ему вручают медаль за спасение начкара. Освещенная сцена, он в форме, в зале отец с матерью, сестра с племянниками. Брат одобрительно кивает. У него самого, подполковника ВДВ в отставке, два ордена...

А потом зашла медсестра поставить ему капельницу. Он, расплываясь в дурацкой улыбке, спросил ее о Рожнове, и она будничным тоном, словно отвечая на вопрос о погоде, сказала, что пациент с такой фамилией вчера умер.

Теперь, когда он вспоминал свои глупые мальчишеские мысли о медали, в памяти укором всплывало багровое бульдожистое лицо начкара, и уши горели от стыда, будто у подростка, которого родители впервые застукали с сигаретой на балконе. Когда волок тяжелое тело Рожнова, ни о чем таком не думал, а вот поди же...

– Что ты сказал? – спросил он, поняв, что Чижов давно и увлеченно о чем-то рассказывает.

– Побудь пока шлангом, Славка, – посоветовал тот. – Сме-

ни обстановку! Больничный тебе продлили. Помнишь пожар на Ленина? Мы тогда бухгалтершу из турфирмы с третьего этажа снимали? Пока ты тут прохлаждался, заходила благодарить, сказала, есть горящая путевка по смешной цене.

«Горящие путевки. Для пожарных. Уже смешно», – отрезанно подумал Танюшкин и сразу представил, как берет в руки пылающий листок бумаги с надписью «путевка», опасаясь, что огонь перекинется на одежду и он вспыхнет, как факел. Вслух же спросил:

– В Крым?

– Бери выше! На Гоа!

Глава 3

Хитрый слон

Напрягало, что рейс ему достался не прямой, а с пересадкой в Дохе. Осторожный Танюшкин не любил лишней беготни и неожиданностей. К счастью, сразу после приземления в столице Катара выяснилось, что до вылета в Гоа целых три часа.

Танюшкин забросил на плечо красную сумку и двинулся сквозь пеструю толпу пассажиров мимо кричащих витрин. В глазах рябило от конфет, духов и женских платков.

Он зачарованно наблюдал, как в сопровождении усатых мужей проплывали индуски в своих невероятных сари, и золотые браслеты позвякивали на их смуглых запястьях. Потом внимание Танюшкина привлекли арабы в белых балахонах, которые величественно шествовали по залу, а за ними семенили женские фигуры, закутанные с головы до ног в черное.

Он так засмотрелся на диковинную процессию, что едва не столкнулся со здоровенным мулатом. В следующий миг огромная ручища ухватила Славу за локоть и легко передвинула на полметра вправо.

– Не загораживаем проход, амиго, – посоветовали ему на чистом русском.

Танюшкин остолбенел от удивления, а верзила смерил его

насмешливым взглядом черных глаз-маслин и, ухмыльнувшись толстыми губами, лениво отвернулся.

Слава, который при своих метр восемьдесят восемь привык глядеть на окружающих сверху вниз, почувствовал себя рядом с ним как ученик пятого класса, уткнувшийся на перемене в живот старшеклассника.

Обычно миролюбивого Танюшкина так раздосадовало это происшествие, что он покраснел и с детским вызовом устоялся в широкую спину неторопливо удаляющегося гиганта. Словно почувствовав между лопаток чужой взгляд, мулат обернулся и дружески подмигнул Танюшкину, чем сразу обезоружил того и поверг в страшное смущение.

Потолкавшись у витрин с золотом, Слава вернулся к выходу на посадку, нашел свободное кресло-шезлонг и с удовольствием вытянулся во весь рост. До отлета оставалось около часа. Главное – не заснуть. Он оглянулся на пассажиров: нет ли кого из русских поблизости, попросить, чтобы разбудили, если что... Да куда там! Одни иностранцы! На всякий случай завел на телефоне два будильника и стал лениво просматривать газету, которую догадался прихватить из самолета. Клоунило в сон, но он держался. Скоро посадка, лететь долго, еще выспимся...

Человек-слон появился перед ним незаметно. Секунду назад его не было, а вот уже сидит напротив – голова большущая, хобот длинный, морщинистый. Сложил пухлые, как у младенца, руки на огромном животе и с хитрецей посмат-

ривает на Славу маленькими умными глазками. – Море любишь? – и вопрошающий взгляд на Танюшкина.

– Очень! – расплылся в улыбке Слава и добавил застенчиво: – Я на Гоа лечу.

– На Го-о-а? – с деланным удивлением протянул слон. – А разве не в Варанаси?

– Ва-ра-на-си? – в свою очередь непритворно удивился Слава, точно пробуя на вкус незнакомое название. – А там тоже море?

– Не-е, – слон покачал большущей головой, – в Варанаси моря нет. Но ты не волнуйся! Там удивительная река!

Пробуждение вышло внезапным. Танюшкин вскочил на ноги, и, хотя еще толком не проснулся, шестое чувство взвыло как сирена сигнализации – проспал!

Так и вышло. Не далее как полчаса назад его самолет бесследно растворился в голубом пространстве, направляясь к песчаным пляжам и пальмам Гоа, а неудачливый пассажир Танюшкин остался на катарской земле.

Твою ж... Он, точно раненый бизон, заметался по аэропорту от одной информационной стойки к другой, наводя своей несчастной физиономией ужас на окружающих пассажиров.

Наконец удалось выяснить – рейсов на Гоа в ближайшее время нет. Однако через час будет самолет до Дели. Оттуда летают на Гоа – каждые полчаса. Выходило, что ситуация неприятная, но вполне поправимая. Билет Танюшкину пе-

ререгистрировали, но сумма на кредитке серьезно уменьшилась.

К новому рейсу Танюшкин примчался заранее. Когда их наконец запустили в самолет, то, упав в заскрипевшее под его тяжестью кресло, Слава думал, что сразу заснет. Как бы не так! Сна ни в одном глазу! От нечего делать он стал глядеть по сторонам.

Салон постепенно заполнялся. Вошедшие пассажиры напряженно крутили головами, сверяясь с корешками посадочных талонов, а затем, с облегчением обнаружив, что их места никуда не делись, поспешно запихивали вещи в багажные полки и рассаживались. После сегодняшних передряг Танюшкин поглядывал на их суету свысока, с превосходством опытного путешественника.

Неожиданно его взгляд привлек знакомый слон. Точнее сказать, не сам он, а его изображение на чьей-то зеленой майке. Однако Танюшкин ни секунды не сомневался, кто перед ним. Коварный слон улыбался ему и даже, как будто, подмигивал.

Потрясенный Слава изумленно таращился на зеленую майку, не замечая непонятных изгибов и выпуклостей картинки, до тех пор, пока изображение не приблизилось к нему практически вплотную. При этом хитрые глазки слона странным образом топорщились, напоминая...

– Вы не могли бы... пропустить меня к окну? – услышал он звенящий от возмущения женский голос, вскинул голову

и увидел яростный блеск в глазах обратившейся к нему девушки в зеленой майке.

Всполошившееся сознание мгновенно выхватило детали: упавшие на лоб светлые взлохмаченные волосы, гневно раздувающиеся крылья тонкого носа, маленькое, как у ребенка, ухо с дырочкой от сережки.

Пассажиры, которые протискивались с вещами в узком проходе, то и дело толкали ее в спину, и раскачивающийся хобот слона почти уткнулся Танюшкину в лицо.

Слава вскочил, неуклюжий, бордовый, как помидор «бычье сердце» с маманиной грядки на даче. Выходит, все это время он тупо пялился на ее грудь. Хитрый слон нашел, где устроиться! «Может, не заметила?» – вздохнул он с надеждой, отодвигаясь и пропуская девушку на ее место к иллюминатору, однако понял – еще как заметила!

Села и сразу отвернулась. Опустила темные длиннющие ресницы. И что удивительно, стоило ей повернуться в профиль, ощущение детской беззащитности сразу исчезло. В глаза бросился решительный подбородок с мальчишеской ямочкой. Нижняя губа сердито прикушена. Похоже, злится. А причем тут он, Танюшкин? Это все вредный слон. Сыграл с ним дурацкую шутку!

И тут Слава нахмурился. Что за чертовщина с этим слоненком? Да и с ним самим творится что-то неладное. Будто он и вправду поверил, что приснившийся ему человек-слон существует. Может, от беготни в Катаре крыша поехала? Та-

нюшкин осторожно потрогал лоб. Потный, но вроде бы не горячий. Без градусника не разберешься.

Да... Не зря маманя с сестрой отговаривали ехать! Сидел бы себе дома, и слоны бы не мерещились! «Все! – решил он. – Больше никаких слонов!»

Танюшкин скосил глаза, чтобы увидеть, чем занимается недруг, избравший своим местом жительства зеленую майку, и... встретил взгляд, твердый и холодный, как серый гранит в пасмурный день. Рассерженно взметнулись темные брови...

Возникла секундная пауза, губы соседки чуть шевельнулись, и Танюшкин, ужаснувшись тому, что могло за этим последовать, трусливо отвернулся. Его взгляд уперся в пол, словно он пытался рассмотреть каждую ворсинку на ковровом покрытии.

Девушка промолчала, однако правой щекой Танюшкин ясно ощущал, как невыносимо сгустилась атмосфера над не занятым креслом между ним и сидящей у окна незнакомкой. Да уж... Если вспомнить взгляды, которые он на нее бросал, то – кто знает? – может, она приняла его за маньяка, по недосмотру выпущенного из психушки.

Помощь пришла очень вовремя. Словно из-под земли, появилась еще одна девушка. В бейсболке, кареглазая, темно-волосая, со смешливым и немного удивленным выражением на круглом лице. Складную фигурку обтягивала красная майка. К счастью, без слона. Волосы собраны на затылке в

упругий хвостик, который весело подпрыгивал, когда она вертела головой.

Темноволосая бесцеремонно согнала Танюшкина с места и, усевшись между ним и зеленой майкой, тут же забросала первую пассажирку градом вопросов, на которые та отвечала сдержанно.

Невольно прислушиваясь к их беседе, Слава уяснил, что они знакомы и летят вместе с группой йогов. Вновь прибывшую звали Дашей, а имя первой девушки звучало красиво и необычно – Марианна.

– А вы зачем в Дели летите?

Не сразу поняв, что вопрос обращен именно к нему, Слава повернул голову и заметил улыбающуюся Дашу. Веселые карие глаза разглядывали Танюшкина с радостным любопытством.

Ее соседка спала, отвернувшись к иллюминатору. Похоже, темноволосой стало скучно, и она посчитала Танюшкина подходящей компанией. Хотелось надеяться, что, если у Дашиной подруги и имелись определенные подозрения на его счет, она не успела ими поделиться.

– В Дели? – удивился Слава, который почти забыл перипетии сегодняшнего дня. Ну да, он летел в индийскую столицу, откуда ему еще предстояло добираться до пункта назначения. – Вообще-то мне надо на Гоа. Я в Катаре на рейс опоздал, а так бы уже, наверное, лежал на пляже и... – он хотел сказать «пил пиво», но, покосившись на тонкий профиль

спящей, почему-то смешался и произнес: – ...и загорал.

– Жесть! – восхитилась Даша.

Слава быстро понял, что темноволосая умеет разговаривать только восклицательными и вопросительными предложениями. Причем без остановки. Надо сказать, что йоги раньше представлялись Танюшкину как-то иначе, поспокойнее, что ли.

– А мы с Марианной...

Последовал восторженный и путаный рассказ обо всем на свете. О том, что йогой она занимается недавно. По средам и пятницам после работы. Обе закончили какую-то «финашку» и трудятся в одном банке. Марианна – в инвестиционном блоке, а она в бэк-офисе. (Значения некоторых слов остались для Танюшкина загадкой, но спрашивать он постыдился.) В Индию они едут в первый раз. Поэтому очень волнуются. Марианна вообще еле согласилась. В Дели их должны встретить ребята из группы.

Слава чувствовал, как тяжелеют веки и слипаются глаза, но терпеливо слушал и в нужный момент поддакивал. Сказывался неоценимый опыт общения с матерью и сестрой. Однако стоило Даше произнести знакомое слово, сон как рукой сняло.

– Как ты сейчас сказала? – встрепнулся Танюшкин. Благодаря Дашиной непосредственности они давно перешли на ты. – Куда вы дальше летите?

– В Варанаси! – несколько удивилась Даша. – Я же тебе

говорила!

Слава буквально завис. Что происходит? Сначала ему снится странный сон, из-за которого он пропускает самолет на Гоа. В нем появляется слон и говорит про Варанаси, где моря нет, зато есть река. А теперь, выходит, его случайные попутчицы едут в это загадочное место.

И какие из этого можно сделать выводы? Спросите что-нибудь полегче. В голове каша. И лучше всего поскорее забыть про эти глупости. Решил же, больше никаких слонов!

Под переливы Дашиного голоса Танюшкин незаметно уснул. Слава богу, на этот раз обошлось без слонов. Очнулся он от осторожного похлопывания по плечу. Строгая стюардесса велела придать креслу вертикальное положение и пристегнуться. Самолет шел на посадку. Внизу его ждала загадочная Индия.

Глава 4

Спальный вагон

Аэропорт Дели встретил печным жаром серовато-голубого неба. Их самолет опоздал, и пассажиры выходили не через гибкий трап, а на раскаленный бетон аэродрома, где их поджидал белый автобус, похожий на большой, уложенный на бок холодильник.

К сожалению, внутри «холодильник» походил на парилку. Пока их везли, спина и подмышки мгновенно взмокли, и Слава пожалел, что одет не в летнюю майку, а в плотную хлопковую рубашку. Он видел, как еще в самолете некоторые пассажиры переодевались в туалете в шорты и шлепанцы. Но у рубашки имелось неоценимое преимущество – карманы с пуговицами, куда можно спрятать паспорт и деньги.

Теперь следовало найти информационную стойку и выяснить, как добраться до Гоа. Танюшкин повернул голову и заметил своих новых знакомых. При выходе из самолета он замешкался, пропуская других пассажиров, и девушки быстро пропали в людском потоке. Только Даша, перед тем как исчезнуть за чужими спинами, оглянулась и махнула Танюшкину рукой.

Шедшая за ней Марианна неожиданно обернулась и окинула его задумчивым взглядом. В серых гранитных глазах сверкнули искорки, словно крупинки кварца и слюды вспых-

нули на солнце. Казалось, она смотрела не на Танюшкина, а сквозь него, пытаясь что-то разглядеть за Славиной широкой спиной. Их взгляды встретились, и она, досадливо поморщившись, отвернулась. Танюшкин оглянулся – позади него никого не было.

Он подхватил сумку и поспешил к выходу. Некоторое время спустя, вытягивая шею, он пытался разглядеть бывших соседа в очереди на паспортный контроль, однако безрезультатно.

И вот теперь обе стояли неподалеку от ленты транспортера в стороне от других пассажиров. Рядом лежали два туристских рюкзака чудовищных размеров. У Даши в руке мобильный. Похоже, она только что закончила разговор. Он не слышал, о чем между собой говорят девушки, но, судя по напряженному лицу Марианны и растерянному виду ее спутницы, дела у них обстояли не слишком гладко.

Слава уже почти прошел мимо, но необъяснимое чувство заставило его замедлить шаги. В следующую секунду он, приблизившись к девушкам, произнес бодрым фальшивым голосом:

– Всем привет! Даша, чего нос повесила? Есть проблемы?

Марианна, поглощенная разговором, не сразу заметила Танюшкина, зато Даша среагировала на его появление с неожиданной радостью. Ее живое симпатичное лицо озарилось надеждой.

– А, это ты, Слав! Понимаешь, тут такая ерунда случи-

лась...

Девушка, бурно жестикулируя, поведала Танюшкину о том, что вышла ужасная путаница.

Выяснилось, что ребята из группы, которая летела другим рейсом, уже уехали в Варанаси. Нет, они их не бросили! Просто думали, что их встретит Кирилл. А Кирилл решил, что они летят с ребятами, и не приехал... Когда понял свою ошибку, было уже поздно. Прислал дурацкий мейл! Пишет, где купить билеты...

Теперь надо ехать на железнодорожный вокзал и брать билеты на поезд. А как? Рюкзаки тяжеленные! У Марианны идеальный оксфордский английский, но никто из индусов ее не понимает. Да и она их. Уже пробовали.

Все это время Марианна стояла чуть в стороне с таким выражением, как будто их разговор ее совершенно не касается. Только покусывала нижнюю губу. Похоже, сильно нервничала, но старалась не подавать виду. Да, не повезло девочкам. Тащиться на вокзал с такими рюкзаками – врагу не пожелаешь!

– А зачем поездом? Самолеты туда не летают? – любопытствовал Танюшкин.

– Я только что звонила ребятам, – уныло объяснила Даша. – В Варанаси большой праздник, все рейсы забиты! На поезд еще можно взять, если брать места подороже в спальном вагоне. Кирилл говорит...

– К черту Кирилла! – вдруг с неожиданной яростью пере-

била ее Марианна. – Да чтобы я еще раз повелась на его уговоры! Уехала, все бросила! А сделка вот-вот сорвется! Все, Даша, покупаем билеты в Москву! На ближайший рейс!

– Ну Марианночка! – жалобно запротестовала ее подруга. – Мы же только прилетели...

– И прекрасно! Чем меньше мы здесь пробудем, тем лучше! – отчеканила та и привычным движением потерла виски.

Поморщилась, снова потерла. Лицо ее стало задумчивым, будто она решала кроссворд и никак не могла вспомнить нужное слово.

– Голова снова болит? – сунулась к ней жалостливая Даша. – Дать таблетку?

– Нет, – удивленно ответила Марианна. – Представляешь, я только сейчас поняла: как из Москвы вылетели, ни разу не заболела!

– Слушайте, девчонки, – неожиданно для самого себя встрял Слава, – да ваша проблема яйца выеденного не стоит!

Он лихорадочно соображал, чем им можно помочь. В принципе, смотаться на вокзал за билетами – никаких проблем. Надо просто приглядеть за девчонками, чтобы все было в порядке. Рейсов на Гоа полно, так что времени у него – вагон и маленькая тележка.

– Предлагаю – меняем деньги, берем такси и едем на вокзал. Там покупаем билеты на поезд. Другие предложения есть?

– А вам тоже в Варанаси? – недоверчивый взгляд Мари-

анны внимательно изучал бесхитрое лицо Танюшкина.

«Надо же, заговорила!» – повеселел Слава и поспешно ответил:

– Нет, в другое место. Но поскольку у меня образовалась масса свободного времени, могу съездить с вами. Рюкзаки помочь дотащить, в билетной кассе объясниться. – Нам бы не хотелось вас утруждать... – начала было железная Марианна, но ее подруга вовремя вмешалась и с ликующим криком «Конечно, поехали!» бросилась за багажной тележкой.

Слава с Марианной на пару минут остались вдвоем. Он поднял голову и поймал ее изучающий взгляд. Она разглядывала его в упор, и губы ее беззвучно шевелились.

Оба тут же отвернулись друг от друга. Слава – краснее помидора от смущения, а Марианна – куда только подевалась ее растерянность? – с независимым видом рассматривала потолок и стены аэропорта. На вызывающе красивом лице – выражение: «Ну, как пожелаете! И помните, я вас об этом не просила!»

Загрузили оба рюкзака в тележку – та жалобно всхлипнула – и двинулись к обменному пункту. Там их осчастливили толстенными пачками засаленных купюр разного достоинства. После чего путешественницы, как по команде, достали пузырьки со спиртовым лосьоном и протерли руки. Вежливо поделились с Танюшкиным.

Таксист вез их довольно долго, едва ли не час, а запросил всего триста рупий. По московским меркам – сущие пустяки.

Они вошли в здание вокзала. Танюшкин, нагруженный двумя рюкзаками и красной сумкой, с трудом пробивался сквозь потную галдящую толпу. Та упруго расступалась и снова смыкалась за его спутницами, которые плелись следом, бросая по сторонам растерянные взгляды.

Наконец, заметив только что освободившееся пространство в углу зала, Слава сбросил свой груз, едва не размазав по полу невысокого индуса, некстати подвернувшегося под ноги.

– Ждите здесь, – велел он притихшим девчонкам, которые, усевшись на рюкзаки, жались друг к дружке и явно чувствовали себя не в своей тарелке. Еще бы! На них косились со всех сторон. – А я схожу посмотрю насчет билетов. Давайте деньги и паспорта!

Увидев, что они замялись, Слава побагровел и, чертыхнувшись про себя, добавил:

– Одна из вас может пойти со мной, а вторая посторожит вещи.

Девчонки переглянулись. Никому из них не хотелось оставаться в одиночестве посреди толпы индийских мужиков, которые тарасились на них голодными глазами. Смирившись, они передали Танюшкину паспорта и пачку рупий.

– Слав! Подожди! – уже в спину виновато окликнула его Даша и протянула компьютерную распечатку. – Вот, возьми. Там написано, что мы в листе ожидания. Правда, не представляю, что это значит.

Танюшкин сложил листок вчетверо и спрятал в карман рубашки. Он сунулся в одну, потом в другую очередь и потерял немало времени, прежде чем кто-то из индусов подсказал, что для иностранцев – отдельная касса.

Дождавшись, когда на табло высветится его номер, он наконец попал к нужному столу. Молодой вежливый служащий предложил ему заполнить целую кучу бланков.

У Даши оказалась смешная фамилия Замазкина, а у Марианны – красивая и строгая – Павловская.

Что по-настоящему поразило Танюшкина, так это год выдачи паспорта Марианны – 2017! Ничего себе ошибочка! Они там совсем с ума посходили! Перепутали тройку с семеркой. Поражаясь нерадивости наших чиновников и безалаберности индийских пограничников, пропустивших такое вопиющее нарушение, он аккуратно поставил в нужной графе 2013 год.

С анкетами он управился довольно быстро, а вот с листом ожидания вышло гораздо хуже. Молодой индус терпеливо объяснил Танюшкину, что, поскольку никто из пассажиров не отказался от своих мест, запрошенных ими билетов второго класса в наличии нет. В Варанаси – праздник огней Дивали, и туда со всей страны едут паломники.

На вопрос: «Что же тогда делать?» – паренек с извиняющейся улыбкой предложил два места в вагоне типа «Sleeper», застенчиво добавив: «Если леди, конечно, не возражают». Но затем он упомянул, что поезд отходит через

двадцать минут, и Танюшкин энергично закивал, не обратив внимания на последнюю оговорку.

«Sleeper по-русски – “Спальный вагон”. Наверное, купе вроде нашего СВ, – перевел сам себе Танюшкин и обрадовался: – Отлично! Главное, чтобы денег хватило». Денег хватило с избытком, и, если бы не спешка, Слава бы обязательно задался вопросом: почему цена билета на поезд в купе СВ ненамного отличается от стоимости их недавней поездки на такси из аэропорта до железнодорожного вокзала? Но Танюшкин спешил, и ему было не до вопросов.

А зря!

Вернулся он как раз вовремя, чтобы своим видом отпугнуть самых настойчивых из числа жаждущих познакомиться с очаровательными иностранками. В ответ на его появление местные субтильные мачо опасливо отодвинулись, а отчаявшиеся соотечественницы встретили Славу с просиявшими лицами и облегченно выдохнули.

Услышав о купленном СВ, который достался им вместо второго класса, Даша взвизгнула от восторга и едва не бросилась его целовать. Даже Марианна поблагодарила и величественно, словно королева, улыбнулась Танюшкину. Чуть-чуть, самыми краешками губ. Но Слава смутился и обрадовался, будто ему выписали внеочередную премию.

Рот сам собой начал растягиваться в глуповато-счастливую улыбку. Ему стоило немалого труда, чтобы взять себя в руки и с достоинством пробормотать что-то вроде: «Да лад-

но, не стоит». Все-таки здорово, когда вот так удается сделать доброе дело! К сожалению, насладиться моментом по-настоящему не получилось – время поджимало.

Следующие минуты Танюшкин запомнил с трудом, поскольку, увешанный двумя огромными рюкзаками, он во весь опор несся по перрону с истошным криком: «Па-а-а-сторо-ни-и-и-сь!». Что примечательно, столпившиеся на платформе индусы его прекрасно понимали и быстро освобождали дорогу.

За ним, выбиваясь из последних сил, едва поспевали Даша с Марианной. Они вдвоем тащили Славину красную сумку. Еще несколько минут сумасшедшей гонки, и небольшая процессия ввалилась в двери вагона. До отхода оставалось минут пять.

И вот тут-то и выяснилась причина дешевизны билетов. Стоило войти в вагон, как им в лицо ударили нестерпимое амбре от давно не мытых тел и чудовищный запах мочи из приоткрытой двери туалета.

Пресловутый «СВ» выглядел как обычный, сильно замызганный плацкарт. Только, в отличие от знакомых им российских вагонов, здесь с каждой стороны располагались по три полки, то есть купе вмещало шестерых человек и еще двоих сбоку.

При этом даже на первый взгляд народу в вагоне было заметно больше, чем мест. С некоторых верхних полок свешивались головы сразу двух пассажиров. На окнах вместо сте-

кол красовались железные решетки.

В довершение всего, не прошло и минуты, как неподалеку от них образовалась кучка зевак, которые, столпившись в проходе, беззастенчиво разглядывали остолбеневших от изумления девушек.

Индусы посмеивались, перебрасывались короткими репликами и обменивались недвусмысленными взглядами. На месте Марианны лежали чьи-то чемоданы, и Танюшкину пришлось, извинившись, вежливо, но энергично освободить ее полку от чужого багажа.

Все это время он старался не встречаться взглядом с бывшими попутчицами. Он слишком хорошо представлял выражение ужаса и отвращения, которое застыло на их лицах.

– Жесть! Слава, ты же говорил «СВ»! – наконец пролепетала Даша, с надеждой глядя на Танюшкина, будто в его силах было что-то изменить.

Марианна молча окатила презрительным взглядом, от которого ему сразу захотелось как можно скорее очутиться в другом месте. И в самом деле! Пора было идти... – Так в кассе говорили: «sleeper». Я думал, это «спальный вагон»... – промямлил Танюшкин, ужасаясь собственному жалкому голосу.

– Знаете, Вячеслав! Никогда не слышала более дурацких оправданий! – зло оборвала его Марианна, прожигая беспощадным взглядом своих гранитных глаз. – Да попади ко мне в управление такой сотрудник – в тот же день бы уволила!

Поезд вздрогнул, потом еще и еще раз. Слава подхватил сумку и, ощущая себя последним предателем, заспешил к выходу.

– Ну ладно, пока, девчонки! Счастливого пути! – не оборачиваясь бросил он уже на ходу и опрометью выскочил на перрон.

Оглохший и ослепший от солнца Танюшкин вытирал катившийся по лицу пот и чувствовал, как скулы сводит от стыда. Вот это называется помог! Как говорится, не умеешь – не берись!

Впрочем, возможно, и ничего страшного, поезд довезет девчонок до самого Варанаси. Завтра будут на месте, встретят своих йогов...

«Паспорта!» – вдруг обожгла страшная мысль. Рука метнулась к нагрудному карману. Так и есть! Паспорта девчонок остались у него!

Глава 5

Все дальше от моря

Да завернись оно все в блин!

Поезд на Варанаси набирал ход. Мимо плыли окна соседнего вагона. Сквозь оконные решетки на Славу смотрели темные лица, шевелились бороды и усы, сверкали зубы и белки глаз, маленький мальчик лет пяти показал ему язык.

Да когда ж это кончится!

«Стоять!» – вдруг, неожиданно для себя, крикнул Танюшкин и бросился за удаляющимся вагоном. Если он обращался к поезду, то тот предпочел сделать вид, что не услышал смешного иностранца. Его колеса крутились все быстрее и быстрее, выстукивая свой веселый ритм.

Слава ускорился. Бежать с одной сумкой без рюкзаков было куда легче, но за сегодняшний день он с лихвой перевыполнил норму, и ноги подгибались от усталости. К тому же спринтерский бег никогда не относился к его достоинствам. В окнах вагона Танюшкина заметили и ободряюще махали руками – давай, прибавь ходу!

В голове у него вдруг зазвучала, нарастая и пульсируя, странная мелодия. Ее звуки металась в дикой безумной пляске, и им вторили барабаны. Барабаны рокотали и гремели все громче и громче, отдаваясь гулом в висках и заставляя ускорить темп.

И Танюшкин прибавил! Как раз вовремя! А куда деваться? Еще десяток метров – и перрон заканчивался.

Поравнявшись с открытой дверью вагона, он зашвырнул в проем сумку, сделал отчаянный рывок и прыгнул сам, стараясь оттолкнуться как можно сильнее и приземлиться подалеже от края ступеньки.

При падении Танюшкин расшиб колено. Однако сразу вскочил, схватил сумку и, прихрамывая, двинулся по вагону, протискиваясь между сгрудившимися в проходе пассажирами. Сердце бешено колотилось, в горле першило, словно по нему прошлись наждачкой. Казалось, после рекордного забега от рубашки так разит потом, что встречные индусы поспешно уступают ему дорогу.

Идти до вагона девушек было недалеко, но силы внезапно иссякли, и Танюшкин еле тащился, время от времени останавливаясь и отдыхая. Когда он наконец добрался до них и, закрыв глаза, молча рухнул на полку рядом с Марианной, никто не произнес ни слова. Такой у него был измочаленный вид.

– Слав, а Слав! Ты что, тоже купил билет?

Дурацкий вопрос Даши вернул к реальности. Он открыл глаза и криво улыбнулся девчонкам, которые с беспокойством его разглядывали. Вытащил из кармана рубашки их паспорта, протянул темноволосой.

– Потом куплю, – брякнул первое, что пришло в голову.

– Ой! Наши паспорта! Жесть! А ты без билета! – пискнула

Даша, в чьем голосе восхищение мешалось с ужасом. – И вообще... Ты же на Гоа летел! На море!

– Будем считать, что планы меняются, – нехотя ответил Слава и, вспомнив последний сон, добавил: – Буду купаться в реке. Ведь в этом вашем Варанаси есть река?

Даша с сомнением кивнула и принялась что-то ему объяснять. Но Слава ее не слышал. Он почувствовал на себе пристальный взгляд Марианны и устало прикрыл веки. Болело все, что только могло болеть.

Через пару минут Танюшкин сделал над собой усилие и осмотрелся по сторонам. Вроде бы обстановка спокойная. Когда он вошел, с соседних мест поднялись несколько темных фигур и исчезли в проходе. Оставшиеся пассажиры выглядели вполне мирно, даже улыбнулись Танюшкину.

Хорошо, у девчонок нашлась бутылка с водой. Он одним глотком опустошил ее наполовину и почувствовал, что приходит в себя.

Ну и дела! Он, привыкший жить по раз и навсегда установленным правилам, едет в грязном вонючем вагоне неизвестно куда, да еще и без билета! А если контролеры? Или их здесь нет? Впрочем, сейчас думать об этом совершенно не хотелось.

Мелодия в голове звучала то затихая, то вспыхивая, невидимые барабаны били негромко, но ритмично в такт стуку колес поезда. Слава вдруг ощутил себя пылинкой, которую подхватил незримый мощный поток и несет, несет, несет

неизвестно куда.

– Спасибо, Слав, что не бросил! – видя, что он слегка ожил, заговорила Даша. – А то эти уроды повылазили из всех щелей, вылупились как в цирке! Озабоченные, блин! Будто женщин в глаза не видели!

– Наверное, таких красивых не видели, – невольно вырвалось у Танюшкина, который представил строгое лицо Марианны.

– Спасибо! – смутилась Даша.

Он не сразу догадался, что она приняла комплимент на свой счет.

Марианна промолчала, но, похоже, и ей его короткое отсутствие далось нелегко.

Поезд весело катил по рельсам. По сторонам, сколько хватало глаз, тянулись равнины с редкими посадками деревьев. Закатные лучи окрашивали убегающие в даль поля в мягкий розовый цвет. Через час начало темнеть, за окном набухали влажные лиловые тени. В вагоне включили тусклое освещение.

– Слушай, Даша, – наконец задал Танюшкин вопрос, который мучил его довольно давно. – Ты меня, конечно, извини, но чего вас вообще понесло сюда? Ехали бы себе в Турцию или на Гоа!

– Тоже сравнил – Турция и Индия! – удивилась Даша его непонятливости. – Да я, может, с детства мечтала в Индию попасть! Здесь есть все – настоящие йоги, древние храмы,

слоны...

– Слоны, – машинально повторил Танюшкин и вздрогнул. Вот только слонов ему не хватало!

– Ну да! Здесь есть даже самое дождливое место на земле. Называется Черапунджи! – привела новый довод сияющая Даша.

– И мы туда едем? – осторожно спросил Танюшкин, охваченный недобрыми предчувствиями.

Еще и дожди!

– Да нет, – отмахнулась от него Даша. – Это я так, для примера.

– Ну тогда ладно, – облегченно выдохнул Слава, окидывая взглядом багажные полки мрачного синюшного цвета и стальные решетки на окнах. – Словом, тебе здесь все нравится?

– А что? По-моему, прикольно! – Даша пришла в себя, и жизнь снова окрасилась для нее в яркие краски. – Индусы – очень дружелюбный народ!

– Дружелюбный? – Танюшкин с сомнением покосился на невозмутимые лица соседей по купе, которые, казалось, прислушивались к их разговору и осуждающе покачивали головами.

– Ну да! Те гады, как ты пришел, разбежались, а наши, – она кивнула в сторону сидящих напротив них индусов, – хорошие ребята! Этого зовут Раджив!

Один из «ребят», худой, с узким темным лицом, перехва-

тив Дашин взгляд, приосанился и провел рукой по роскошным усам. «Ну дела, – подумалось Танюшкину. – Интересно в голове у женщин устроено. Пять минут назад были уроды, а сейчас – на тебе! Хорошие ребята...»

Марианна молчала, отвернувшись к окну. Выглядела девушка еще мрачнее, чем обычно. За последние полчаса она несколько раз звонила на работу, но связь была отвратительная. И все же по ее отдельным сердитым репликам Танюшкин понял: дела в Москве идут не слишком хорошо. Клиент что-то мутит, будто нарочно тянет время. К тому же появилась информация, что вокруг него крутится банк, куда перешел какой-то Влад.

– Бывший? – непонятно спросила Даша.

– Похоже, он самый. Вернусь, этому гаду все... – Марианна запнулась и почему-то зло посмотрела на Танюшкина, – все уши поотрываю!

Сжав кулаки, она стала глядеть в окно. Даша с Танюшкиным разговаривали вполголоса, словно опасаясь потревожить Марианну, от которой буквально физически веяло раздражением.

– Не знаю, как ты, – заметил Танюшкин, оглядывая мрачный интерьер вагона, – а я теперь только в Крым. Загранпаспорт как раз новый оформил...

– Зачем в Крым загранпаспорт? – не поняла Даша.

– Как зачем? Украина все-таки. Другая страна! – в свою очередь удивился Танюшкин.

– Ты чего, Славик! Опомнись! Крым три года как наш, российский! – посмотрела на него, как на идиота, темно-волосая и скосила глаза на подругу, которая в этот момент повернулась в их сторону. Та презрительно вскинула левую бровь.

Оторопевший Танюшкин поймал их обмен взглядами и понял – разыгрывают! Шутницы! Ну это хорошо, значит, девчонки понемногу приходят в себя.

Они с Дашей еще некоторое время перебрасывались короткими фразами. Танюшкину даже удалось осторожно узнать, кто изображен на майке Марианны. Коварного слона звали Ганешей, и оказался он, ни много ни мало, индийским богом мудрости и чего-то там еще. Даша точно не помнила, но обещала уточнить у ребят, когда доберутся до места.

Разговор понемногу затих. Темноволосая забралась на вторую полку и скоро уже спала, тихонько посапывая. Марианна сидела рядом с Танюшкиным и глядела в темное окно. Оба молчали. Слава чувствовал, как ветерок шевелит ее длинные волосы. Наконец он сообразил, что ей тоже хочется спать, и сдвинулся на край полки. Девушка, благодарно кивнув, вытянулась во весь рост, подложив под голову черную флисовую кофту.

Рюкзаки девчонок лежали возле прохода. Идущие мимо постоянно о них спотыкались, однако никто не ругался. Танюшкин попытался придвинуть их поближе, но места не хватило, и он оставил свою затею. Решил, что индийские тще-

душные воришки даже не сумеют оторвать от пола такую тяжесть.

Чемоданы соседей были зачем-то пристегнуты к полкам железной цепью, похожей на те, какими в России привязывают на улице велосипеды.

Танюшкин наклонился вперед и, положив голову на скрепленные руки, попробовал уснуть, стараясь не потревожить спящую Марианну. Он остро ощущал, что их тела разделяет несколько сантиметров.

В памяти всплыли картинки прошедшего дня. Вот она хмурит темную бровь... рассерженно сдувает со лба светлую челку... Большие пасмурные глаза недобро прищуриваются...

Сквозь сон до него доносились невнятные звуки голосов и тягучие крики разносчиков: «Чай! Чай!». Поезд останавливался, пассажиры сходили на станции, вместо них, гремя чемоданами и оживленно переговариваясь, входили новые.

Вагон рывками трогался, Славина голова моталась из стороны в сторону. Когда он, сонный, распрямлял затекшую спину, его коротко стриженный затылок больно упирался в жесткий край верхней полки.

Глава 6

Зачем в поезде велосипедная цепь

Танюшкин проснулся от того, что поезд заметно прибавил ход, грохоча сталью о сталь и подпрыгивая на стыках рельсов. К колесному стуку примешивался еще какой-то странный звук, который он сначала принял за дребезжание разболтавшихся креплений полок. Но секунду спустя Танюшкин ясно расслышал тревожный перезвон колокольчиков.

Обеспокоенный, он выглянул в окно и онемел: вдоль железнодорожных путей по заснеженной дороге неслась рысью четверка исполинских вороных першеронов, запряженных в длинную пустую повозку, в которой он узнал прадедовскую пожарную линейку с фотографии из бабушкиного альбома.

Пристяжные нервно трясли гривами, тревожно звенели колокольчики, бешено крутились спицы колес, и комья снега летели из-под огромных копыт, заволакивая ночное небо белой пылью. А сразу за обочиной зимней дороги, как будто так и должно быть, безмятежно темнели до горизонта лоскутные рисовые поля и сочно блестели в свете луны кожистые листья пальмовых метелок.

Линейка нагнала вагон, и Слава увидел, что ею правит краснолицый усатый человек в блестящей пожарной каске. Высокий медный гребень делал его похожим на возникшего римской боевой колесницы. Прадед собственной персоной.

Брандмейстер Серафим Иваныч Танюшкин.

Старший родственник увидел Славу и привстал на козлах, слегка натягивая поводья. Кони всхрапнули, и их тревожный храп вместе с морозным воздухом ворвался в сонную духоту спящего вагона. Повозка чуть замедлила ход и теперь неслась вровень с окном в нескольких метрах от Танюшкина.

Прадед что-то крикнул, но Слава его не услышал, только заметил, как зашевелились густые усы и блеснули крупные зубы. Танюшкин виновато пожал плечами. Тогда человек в каске рассердился на его непонятливость и взмахнул большой жесткой ладонью, будто желая перерубить поезд напополам.

«Бере... гись!» – Танюшкину показалось, что он с трудом, но сумел разобрать движения прадедовских губ.

Четверка вороных рванула вперед и, забирая правее, пошла наперерез составу. Слава зажмурился от ужаса, а когда открыл глаза, линейка исчезла, и только из окон с противоположной стороны поезда, откуда-то издалека доносилось удаляющееся ржание исполинских першеронов. Ледяной порыв ветра пронесся по вагону, забираясь под рубашку. Танюшкин заворочался от холода и проснулся.

Вспомнив, что у него есть свитер, он сонно пошарил рукой в поисках сумки. К его удивлению пальцы ухватили воздух. Еще не веря в случившееся, он разлепил глаза и заглянул под полку. Пусто! С него разом слетели остатки сна, и он мгновенно забыл обо всех предостережениях.

Украли!

Сумка с надписью «Спорт» и два тяжелых рюкзака девчонок исчезли, словно сквозь землю провалились. Танюшкин взвыл.

Да когда же это кончится!

Его приглушенная ругань, размахивание руками и топтание на месте привлекли внимание других пассажиров, и с соседних полок свесились черноволосые головы.

Очень скоро к любопытным присоединились разбуженные Марианна с Дашей. Некоторое время они с удивлением наблюдали за беснующимся Танюшкиным. Зато потом, когда девушки поняли, что случилось, их вопли перекрыли все остальные звуки в вагоне.

Через минуту вокруг потерпевших иностранцев собралась толпа сочувствующих. Худой как щепка Раджив, которого они вчера угощали печеньем, похлопал Танюшкина по плечу маленькой ладошкой и, смущенно улыбаясь, пробормотал что-то утешительное.

При совместном подведении итогов печального происшествия выяснилось, что путешественники лишились багажа, билетов и всех денег Марианны и Даши, которые девушки по совету Танюшкина спрятали на дне «неподъемных» рюкзаков. Уцелели только паспорта, телефон Марианны и тонкая пачка рупий, которую Танюшкин сунул в задний карман джинсов.

Не приходилось сомневаться, что куча вещей, добросо-

вестно собранных путешественницами по найденному в интернете списку, привела их новых владельцев в настоящий восторг.

Дальше все хуже и хуже. Воров и след простыл, но, как водится, виновный нашелся. Минут через десять Марианна перестала выражать возмущение вслух и снизошла до личного общения с Танюшкиным. Надо сказать, особой радости это ему не принесло.

– Знаете, Вячеслав, – со дня вчерашнего знакомства она продолжала называть его Вячеславом и как-то все не выходило ее поправить, – благодаря вашей дурацкой идее засунуть деньги и билеты в рюкзак у нас нет ни денег, ни билетов! И телефона тоже нет. А мне нужно постоянно быть на связи с офисом!

– Ну телефон-то ваш остался... – растерялся от ее напора Танюшкин.

– А что толку от телефона, если он разряжен! – проигнорировала она его жалкую попытку. – Вот скажите, зачем нужно было убирать все наши деньги в рюкзак?

– Так я думал подальше спрятать, а то у вас карманы маленькие, положить некуда... – смущенно бубнил красный Танюшкин.

– Знаете, Вячеслав, – дался ей этот Вячеслав! – вы только и делаете, что оправдываетесь! – припечатала она. – Извините, конечно, но, попади вы ко мне в управление, я бы вас немедленно уволила!

– Ну видите, как хорошо, что я не в вашем управлении, – вымученно улыбаясь, попытался отшутиться Танюшкин.

Уж что правда, то правда! В ее банке ему делать нечего. Неизвестно почему, но он сильно робел в присутствии этой строгой женщины. Как будто перед бывшим начкаром. Вот и сейчас не знал, куда деть руки, под ее негодующим взглядом.

– Первый раз за месяц спала как убитая – и на тебе! – раздосадованно сказала она и ткнула в Танюшкина пальцем. – Лучше бы эти воры вас с собой утащили, а зарядку для телефона оставили!

Марианна еще что-то выговаривала ему, упрекала, но Слава внезапно завис, выпал из реальности.

Словно выключили звук, и он потрясенно наблюдал, как шевелятся красиво очерченные губы, хмурится высокий чистый лоб, темные брови грозно изгибаются, из-под длинных пушистых ресниц летят в него жгучие сверкающие искры... Такая красивая и такая... Слово вертелось на языке, но он не решился его произнести даже про себя.

«А все-таки здорово ехать вместе с ней рядом – и неважно куда!» – мелькнула совсем уж неожиданная мысль. – Да ладно, Мариан!

Спасибо Даше, что вступилась за него. Хорошая девчонка.

– Если бы не Слава, мы бы вообще не сели в этот дурацкий поезд!

Умела бы молчать, цены бы ей не было.

Глава 7

Коррида с контролером

День, не заладившийся с самого утра, тянулся медленно и печально под стук колес и завывание ветра в окне. Говорливая Даша и та примолкла. Ближе к вечеру тягостную монотонность прервало появление на сцене, а точнее – в вагоне, нового участника драмы.

Контролер, толстый усатый индус в черном кителе с металлическим значком, важно плыл по проходу, останавливаясь и проверяя билеты пассажиров. Танюшкин оцепенело следил за его приближением. Наконец тот одарил своим вниманием их купе. Проверил билет у молчаливого соседа справа, наклонился к Радживу. Тот что-то ему шепнул. Контролер неторопливо распрямил спину и с интересом уставился на Танюшкина блестящими карими глазами.

– Этот человек, – последовал небрежный кивок в сторону Раджива, – говорить, у вас нет билетов! Вы должны платить штраф!

Танюшкин оторопело уставился на дружелюбного соседа. Тот спокойно сидел, поджав под себя ноги, всем своим видом выражая уверенность, что разворачивающаяся в купе сцена не имеет к нему никакого отношения. – Вот козел! Как мое печенье жрать, так...

– Вы должны платить штраф! – напомнил о себе контро-

лер, которому надоело слушать бессвязный поток незнакомой речи. – Платить сейчас!

– Штраф? Конечно! Сейчас заплатим! – весь запал Танюшкина мигом иссяк, он сунул руку в карман – черт его знает, какие тут штрафы? – и вытянул несколько мятых купюр. – Вот, сэр, пожалуйста, тридцать, нет сорок рупий. Я думаю, этого достаточно, сэр?

Контролер изобразил такую презрительную гримасу, что Танюшкин без звука извлек из другого кармана сотенную.

– Вот, сэр, – речь его лилась легко и изящно, словно он вдруг стал участником дипломатического приема. – Сто сорок рупий!

– Вы должны платить стоимость билета! Тысячу рупий каждый! – произнесло свой приговор обличенное властью лицо.

– Сколько!!! Три тысячи рупий! – потрясенно выдохнул Танюшкин.

– Три тысячи рупий! – довольно кивнул контролер, приятно пораженный понятливостью иностранца. – Подождите, я сейчас к вам вернусь.

Он с достоинством направился в начало вагона.

– Доволен, Павлик Морозов? – Танюшкин возмущенно навис над невозмутимым Радживом, который воспользовался ситуацией и оккупировал их полку. – Ты зачем растрепал, что у нас нет билетов?

– У вас нет билетов, – с готовностью кивнул индус.

– Ну нет, и что? Ты зачем нас заложил? Не понимаешь? Зачем сказал, что билетов нет?

– У вас нет билетов, – согласился Раджив, безмятежно улыбаясь.

– Да что ты к нему пристал! Сейчас контролер вернется! – вмешалась Даша.

– Вы в самом деле хотите отдать ему три тысячи рупий? – прервала свое презрительное молчание Марианна.

– Да нет у меня трех тысяч! – вяло отозвался Танюшкин. – И тысячи нет!

– А сколько есть?

– Триста!

– Всего триста? – искренне удивились девушки, явно забыв, что их собственные рупии исчезли вместе с рюкзаками.

– И вы хотели отдать ему сто сорок? – возмутилась Марианна. – Никудышный из вас переговорщик! Мы так с вами без копейки останемся! Когда этот тип вернется, говорить буду я!

– Как скажете, мэм! – пожал плечами Танюшкин.

Никудышный переговорщик? Ну-ну! Не очень-то и хотелось! Подвинув ноги Раджива, он уселся на полку и приготовился наблюдать за мастер-классом в исполнении профессионала. Когда появился вальяжный представитель индийских железных дорог, Марианна, как и подобает крутому инвест-банкиру, взяла быка за рога.

– Мы готовы заплатить вам в качестве штрафа сто ру-

пий! – провозгласила она с таким небрежным оксфордским прононсом, что Танюшкин искренне позавидовал. – В вашем поезде украли все наши вещи! Мы будем обращаться в полицию с жалобой!

Быку это сильно не понравилось.

– Вы отказываетесь платить штраф? – возмутился обманутый в лучших чувствах контролер.

Судя по выражению его вытянувшегося лица, он уже мысленно нашел применение для трех тысяч рупий, но, похоже, иностранцы оказались совсем бестолковыми. Контролер беспомощно посмотрел на Танюшкина, как бы призывая его в союзники. Тот старательно отвел глаза. – Вы должны платить три тысячи рупий!

– Сто!

«А Марианна-то настроена по-боевому. Ишь, как выпятила подбородок! – отметил Танюшкин. – У бедного контролера глаза стали по шесть копеек».

– Три тысячи рупий!

Бык уперся. Голос усатого звенел от злости.

– Девяносто!

Рискованный ход, но мнением Танюшкина переговорщица поинтересоваться забыла.

– Я вызывать полицию!

Законопослушный Танюшкин мысленно взмолился, чтобы увлекшейся родео Марианне не пришло в голову снизить цену до восьмидесяти. Черт знает, где их там учат вести пе-

реговоры!

– Окей, сто сорок!

Слава богу, здравый смысл у переговорщицы возобладал. – На станции я вызывать полицию!

Подействовало как красная тряпка! Похоже, переговоры с треском провалились. За сценой с любопытством наблюдали соседи, особенно заинтересованным выглядел стукач Раджив.

– Все! Я уходить! – контролер гордо встопорщил усы. – Вы ждать полицию! Здесь!

Вот и поговорили. Эх! Не доросла еще старушка Индия до крутых московских переговорщиков!

– Послушайте, сэр! Да подождите же! – Танюшкин, заискивающе улыбаясь и переходя на, как ему казалось, более понятный язык, зачастил скороговоркой: – Это были... есть все наши деньги! Больше не иметь! Совсем! Понимать меня? Сэ-э-р?

Видя, что тот собирается уходить, Слава легонько ухватил контролера за рукав форменного кителя. Лучше бы он этого не делал...

Рассерженный индус, чье смуглое лицо к концу спора с Марианной приобрело свекольный оттенок, резко развернулся и, набычась, двинулся по проходу. Раздался оглушительный треск, и мятый рукав кителя беспомощно повис в потной ручище Танюшкина.

Воцарилась мертвая тишина. Глаза контролера буквально

лезли из орбит, губы беззвучно шевелились. Весь вагон оторопело таранился на чужеземного героя, который застыл, сжимая в руке завоеванный трофей. Совсем как тореадор с хвостом быка. Правда, рукав больше напоминал толстую дохлую змею и выглядел откровенно жалко.

Долго ли, коротко ли длилась немая сцена, но и она подошла к концу. Пострадавшее должностное лицо пришло в себя и с громкими криками выскочило за дверь. Свидетели тоже отмерли и разом загомонили, возбужденно жестикулируя и качая головами.

– Плохо сделал! Обидел хорошего человека! – неожиданно четко произнес молчаливый сосед справа. – Полиция тебя арестует!

– Жесть! – пискнула за спиной Даша. – Ты что творишь, Славка! Ты зачем ему рукав оторвал?

– Так я же нечаянно... – попытался оправдаться он, до глубины души потрясенный деянием собственных рук. – За нечаянно бьют отчаянно! – вскипела Марианна и даже перешла на ты: – Ты каким местом думал, когда за рукав хватался? Теперь этот урод тебя точно в полицию сдаст!

– Не... ну за что в полицию-то... – неуверенно возразил Танюшкин.

Его добродушное лицо выражало озабоченность. При этом он с опаской поглядывал на зажатый в кулаке рукав, словно прикидывал – а не догнать ли контролера, чтобы попытаться как-то пристроить на место утраченный элемент

форменной одежды.

– За то! Без билета ехал? Ехал! Да еще нападение на должностное лицо! За это и посадить могут! Кто знает, какие у них тут законы! Как нам тебя из тюрьмы вытаскивать? Посольство черт знает где... Да брось ты наконец эту дрянь!

Танюшкин поспешно положил оторванный рукав на полку, вытер о штаны потные ладони и с тоской уставился в окно. Мелькали низкие грязноватые здания. Поезд замедлял ход.

– Марианна! Послушай, Мариан! – робко вмешалась Даша. – И у нас нет билетов! Нас всех вместе арестуют! Посадят в тюрьму!

Праведный гнев Марианны мгновенно угас. Она потрясенно умолкла. Ее растерянный взгляд заметался по вагону и наткнулся на безмятежную физиономию Раджива. Тот блаженно вытянулся во весь рост, и его темные узкие ступни свешивались с края отвоеванной у них полки. Индус сверкнул доброй белозубой улыбкой и покачал головой:

– У вас нет билетов!

– Вот урод! – Марианна сжала кулачки.

– Да брось ты его! Скоро остановка и полиция! – вовремя встряла Даша. – Слав! Очнись! – она помахала у него перед глазами маленькой розовой ладошкой: – Что будем делать?

Глава 8

Из точки А в точку Б через точку Ж

– Бежать надо! – внезапно произнес Танюшкин, сам поражаясь собственной решимости, и скомандовал:

– За мной!

– Еще чего! – попыталась сбить его порыв Марианна. – Мы останемся и заявим в полиции о краже багажа!

Но Танюшкин, будто это был не он, а совсем другой, решительный с женщинами человек, крепко ухватил за руку онемевшую от неожиданности переговорищицу и во мгновение ока выволок в тамбур. Слава богу, пассажиров было мало. Оглянулся – Даша, сопя и работая локтями, протискивалась следом.

Отлично! Дверей в тамбуре нет. Поезд медленно катил вдоль низкой пустой платформы, рывками замедляя ход. Время же, напротив, ускорилося. Танюшкин всей кожей чувствовал, как стремительно убегают секунды. Пора!

– Как скажу, прыгайте! Так, развернулись спиной! Приземляемся на ноги и бежим! – уверенно произнес он, поражаясь собственному спокойствию, и заглянул в расширенные зрачки спутниц: – Да вы чего, девчонки? Поезд-то почти остановился! В полицию захотели? Даша, пошла!

Та, взвизгнув, исчезла в дверях тамбура – молодец девчонка! Танюшкин схватил потрясенную и несопротивляю-

щуюся Марианну за тонкую талию и рывком поставил на уже почти замедлившуюся платформу. Следом торопливо прыгнул сам.

Его повело, но он устоял на ногах. В спину неслись возбужденные крики. Танюшкину даже почудился визг контролера, зовущего полицейских. Матерясь вполголоса, бросился к девчонкам, замершим неподалеку. Слава богу, целы! Похоже, отделались легким испугом и ободранными ладонями. Хотя, нет! Даша стоит, а Марианна почему-то сидит на земле.

– Ну ты даешь, Славик! – восхищенно завопила Даша при его приближении. – Ва-а-а-ще! Как в кино! Ой! Марианночка! Что у тебя с ногой?

– Подвернула, ничего страшного, – ответила та, пытаясь подняться и закусив губу от боли.

Танюшкин приготовился, что сейчас в его адрес посыплются справедливые упреки, но Марианна молчала и выжидающе смотрела на него.

– Ничего, девчонки, прорвемся!

Он, не раздумывая, подхватил пострадавшую на руки и бросился бежать вдоль вагонов. Перескочил через соседние пути и помчался изо всех сил. Время от времени он крутил головой, чтобы убедиться, что Даша поспевает следом.

Марианна в первый момент ойкнула, но затем ей ничего не оставалось как обхватить руками шею Танюшкина и плотнее прижаться к его широкой груди. Тот мчался шумно, точ-

но слон, стараясь не думать о том, какое амбре исходит от его заскорузлой от пота рубашки.

Впрочем, очень скоро это стало не важно. Они уткнулись в тупик и полезли под вагонами, вдыхая тошнотворную горячую смесь из запахов креозота, мочи и чего-то еще, совершенно отвратительного. Наконец выбрались, грязные с ног до головы, и ввалились в стоявший на отшибе товарный вагон. Захлебываясь в судорожном кашле, они дружно рухнули на пыльные шершавые доски.

Похоже, никто за ними не гнался. Танюшкин представил себе добродушного усатого толстяка в полицейской форме, и в голову закралась предательская мысль: «А вдруг я зря затеял этот нелепый побег? Ну поспрашивали бы да отпустили. Может, и права была Марианна...»

Но тут перед глазами очень ясно всплыли оторванный рукав, свекольная физиономия контролера и замаячила тюремная решетка... Танюшкин впечатлился и счел за лучшее выбросить лишние мысли из головы.

Он издали осмотрел распухшую ступню Марианны, оглянулся по сторонам в поисках эластичного бинта и, естественно, в пустом вагоне его не обнаружил. Пришлось стянуть с себя рубашку.

– Эй! Ты чего? – настороженно пискнула Даша, пораженно уставившись на блестящую от пота грудь Танюшкина. – Решил скрасить наш досуг мужским стриптизом? Может, как-нибудь в следующий раз...

Слава покраснел и, тяжело вздохнув, рванул рукав. Нитки возмущенно затрещали. В руках затрепыхался кусок ткани, по-видимому, еще недавно считавший себя неотъемлемой частью рубашки Танюшкина.

– Ну, Слав, ты прямо серийный рукавный маньяк, – изумилась Даша, наблюдая за его загадочными манипуляциями. – Напомни в следующий раз прятать от тебя одежду.

– Давайте ногу перетяну, – он неловко присел на корточки возле Марианны.

Железная леди удивилась, но помощь приняла. Даже поблагодарила легким кивком. Скоро она уснула в своем углу. Танюшкин с Дашей долго не могли заснуть и, поворочавшись на жестком полу, молча уселись у открытой двери вагона. Помолчали. Танюшкин, глядя на розовый прямоугольник закатного неба, наконец решился:

– Слышь, Даша, а чего Марианна такая... – он замялся и с опаской покосился на спящую, – ну такая...

– Взвинченная? – хриплым шепотом отозвалась Даша.

– Ну да! – обрадовался Танюшкин, слово звучало вполне уместно и не обидно.

– Станешь тут! У нее важная сделка зависла. Такие раз в десять лет бывают! Она и рейс перенесла, с Кириллом не полетела. Должны были все закончить, а клиент тянет и тянет. Попросил еще две недели, вот она и решила поехать. И с мужем ее темная история. Вроде, он к этому как-то причастен...

– Она что, замужем? – неприятно поразился Танюшкин. Хотя, если подумать, что удивительного в факте замужества такой красивой женщины?

– Уже нет, год как развелась... Все работа да работа, каждый день до одиннадцати... А тут Кирилл ей вдруг говорит: поехали в Индию. Типа круто, отдохнешь, развеешься и все такое... Такая, блин, – говорит, – страна волшебная! Закачаешься!

– Погоди, какой Кирилл? Муж? – запутался в ее объяснениях Танюшкин.

– Да нет! Парень с нашей работы! Главный дилер! Этот кого угодно уговорит. Ну она и согласилась, и я с ней поехала!

– Ты знаешь этого Кирилла?

– Вместе работаем, его у нас в банке все знают. Весь из себя красавчик!

– Ясно, и что потом?

– Потом? Суп с котом! В аэропорту не встретил! Ну, дальше ты и сам в курсе...

– Так послать надо этого Кирилла, – неизвестно от чего разозлился Танюшкин, – куда подальше!

– Не-е, – задумчиво протянула Даша, – такого просто так не пошлешь. В общем, Славка, обязан ты теперь доставить Марианну, ну и меня конечно, в Варанаси. Там сдашь ее на руки Кириллу. Пусть сами разбираются!

– Обязан? – усомнился Танюшкин.

– А ты как думал? Если бы не ты, добрая душа, со своей помощью: «Давайте, девчонки, отвезу вас на железнодорожный вокзал!» – мы бы, скорее всего, взяли обратный билет в Москву, и не лежала бы сейчас Марианна в этом гадюшнике с больной ногой и без денег. Я уж молчу, Славик, про твои фокусы с отрыванием рукавов и полицию! – Ладно. Доставлю и сдам. С рук на руки, – деревянным голосом ответил он и пошел спать.

Утром нога Марианны выглядела не лучше. Наступать на нее было больно. Слава как раз раздумывал, что предпринять, когда неожиданно услышал:

– Извините, Вячеслав, что я на вас тогда набросилась...

– Мы снова перешли на вы? – с замиранием сердца спросил Танюшкин, глядя в серые искристые глаза, которые смотрели на него с непонятным ему, слегка озадаченным выражением. – Кстати, давно хотел сказать, я – не Вячеслав.

– Но как же? Даша зовет вас Славой! – удивилась Марианна.

– По паспорту – Владислав Сергеевич Танюшкин. Но лучше Славой и на ты.

Он еще не успел договорить, как заметил, что с Марианной что-то не так. Ее глаза расширились, рот приоткрылся словно от сильнейшего удивления.

– Танюшкин? – запинаясь пробормотала девушка. – А я то все смотрю, не могу вспомнить, кого же вы мне напоминаете! И рост, и губы... Взгляд, правда, совсем другой... Владислав

Сергеевич?

– Ну да! – подтвердил ничего не понимающий Слава. – Владислав Сергеевич!

– А старшего брата у вас с таким же именем-отчеством нет? Двоюродного или троюродного?

– Да вроде не было, – растерялся он.

– Везет мне на Танюшкиных! – неожиданно помрачнела Марианна. – Вы – полный тезка моего бывшего мужа. Правда, после свадьбы он взял мою фамилию.

– Карма, – блеснул эрудицией Танюшкин.

– А по-моему, здесь лучше подходит другое слово, – не согласилась Марианна.

– Какое? – заинтересовался Слава, радуясь тому, как непринужденно развивается их беседа.

– Из четырех букв. Первая «ж», – разочаровала его банкирша.

Помолчали. Становилось жарко. Надо было что-то решать.

– Значит, Слава, – первой нарушила молчание Марианна.

– И на ты, – встрепенулся Танюшкин.

– Попробуем, – слегка подумав, кивнула она.

– Будьте смелее, тем более что, по-видимому, почти весь день вы, то есть ты, проведете у меня на руках, – вдруг выпалил Слава с не свойственной ему лихостью, чувствуя себя юным дерзким мушкетером, впервые представленным королеве.

– Вот этот аргумент мне нравится! Все-таки, Слава, из вас, то есть из тебя, может, и выйдет хороший переговорщик, – усмехнулась Марианна и потянулась к нему навстречу. – Ну что, сударь, обещали носить на руках, так берите!

Уже пару часов они упрямо шагали к дороге в надежде поймать попутку до Варанаси. Даша семенила позади, держа в поле зрения широкую спину Танюшкина. Иногда ее взгляд выхватывал мощную красную шею, которую обнимала тонкая рука Марианны. Время от времени до нее долетал тихий женский смех. Даша поднимала брови, недоуменно крутила головой и пожимала плечами.

Марианна смеется! Их занесло неизвестно куда. Ни денег, ни телефона. Важнейшая сделка летит ко всем чертям. А Марианна, которая забыла, когда последний раз улыбалась, смеется! Вот уж точно чудеса! Индия и вправду волшебная страна!

Глава 9

Слон!

Солнце припекало уже по-взрослому. «Черапунджи, Черапунджи! Там все время идет дождь!» – вертелось в голове у Танюшкина. Вот бы попасть туда минут на десять.

Примерно через час они вышли к шоссе и принялись ловить попутку. Завидев их компанию, одна за другой остановились несколько машин. К несчастью, бурная жестикуляция Танюшкина и частое повторение слова «Варанаси» ни к чему не привели – водители чесали затылки, качали головой и уезжали.

Подрулил веселый усатый мотоциклист и с широкой улыбкой предложил бесплатно подвезти любую из девушек. Усач был немедленно послан озверевшей Марианной и умчался так стремительно, что забыл прихватить с собой улыбку, и она еще несколько секунд продолжала висеть над обочиной в клубах меловой пыли, поднятой его мотоциклом.

Наконец после множества неудач рядом с ними с диким скрежетом притормозил древний, ярко разрисованный грузовик «ТАТА». Посреди бампера у него красовался синекожий бог, сидящий на тигровой шкуре с грозным и задумчивым видом. «Хоть здесь без слона обошлось», – устало подумал Танюшкин.

Он тяжело запрыгнул на ржавую подножку и, растягивая спекшиеся губы в отчаянной улыбке, в десятый раз прохрипел пароль: «Варанаси». И чудо случилось! Водитель, маленький толстый индус с большой круглой головой и оттопыренными ушами, приветливо закивал и махнул пухлой ладошкой – залезайте.

Внутри кабина роскошью не блистала. Засаленные сине-белые чехлы сидений, пятна на желтой обшарпанной обивке, гирлянды оранжевых ноготков по краям пыльной приборной панели. Трескучий вентилятор гонял по кругу резкий запах застарелого пота, грязных одеял и специй. Позади водителя располагались две полки. На верхней кто-то негромко похрапывал – наверное, сменщик.

Танюшкин посадил девушек, они с облегчением рухнули на нижнюю полку. Сам устроился слева от водителя. Грузовик громко чихнул и резво рванул с места. Слава поерзал лопатками по жесткой спинке продавленного сиденья, собираясь уснуть, но поймал внимательный взгляд индуса. Выглядел тот странновато для работяги-дальнобойщика – объемистый живот, руки короткие, пухлые. Уши лопоухие, губы толстые, а нос – большая картошка на пол-лица. Вот уж кто точно не красавец! Однако во взгляде умных маленьких глазок было что-то приятное, располагающее.

– Вы не волнуйтесь, у нас есть деньги, – начал Слава, но его прервали.

– Не таким я тебя представлял, – грустно улыбнулся води-

тель, озабоченно разглядывая Танюшкина. Голос у него оказался тихий, глуховатый.

– Простите, – растерялся Слава, – вы...

– Нам нужно поговорить, герой, – лопухий человек оторвал от руля руку и почесал загорелую лысину, словно не зная, с чего начать, – и если ты, конечно, не против, я буду обращаться к тебе именно так...

Танюшкин непроизвольно поморщился.

– Не нравится? – слегка удивился водитель. – Впрочем, это неважно... – он по-стариковски пожевал пухлыми губами, – так или иначе, но ты уже попал на путь героя. – Попал? – непроизвольно вырвалось у Танюшкина. – Какой еще путь героя?

– Ах, да! Ты же ничего не знаешь! Тебе, герой, в скором времени предстоит битва с ракшасами...

– Извините, вы вообще о чем? Какие ракшасы? – попытался остановить поток непонятого бреда Танюшкин, но водитель не обратил на него внимания.

– Ракшасы – демоны, которые хотят напасть на священный город во время праздника Дивали. Помешать им способен только герой, выбранный линией судьбы для новой истории Рамаяны. Понимаешь?

Он выжидающе посмотрел на Танюшкина.

– А я тут причем? – удивился Слава.

– Ты и есть герой, которого выбрали, – огорошил его водитель.

Вместо того чтобы следить за дорогой, он повернул короткую шею и не сводил глаз с Танюшкина, а грузовик в это время с ревом несся вперед, то и дело вырываясь на встречную полосу и обгоняя попутный транспорт. Лопухий без остановки жал на клаксон. Жутковато дребезжала кабина, и тревожно раскачивались гирлянды оранжевых ноготков, подвешенные по краям лобового стекла.

Танюшкин только молча шевелил губами и пытался проглотить комок в пересохшем горле. Язык онемел и не слушался. Ситуация выглядела совершенно дурацкой.

Водитель с минуту помолчал и, не дождавшись вопросов, неожиданно спросил:

– Кстати, у тебя сладкого не завалилось?

Танюшкин сморгнул и отрицательно помотал головой. – Жаль! – огорчился лопухий. – Люблю, знаешь, сладкое, особенно такие шарики из риса с кардамоном... Ну чего молчишь? Задавай вопросы!

– Это гипноз? Вы кто? – прохрипел Танюшкин первое, что пришло в голову.

– И для кого я все это рассказывал? – расстроился собеседник, и его гладкий лоб сложился в обезьянью гармошку. – Что, совсем ничего не понял?

Танюшкин помотал головой и зажмурил глаза, пытаясь избавиться от навязчивой галлюцинации. Не вышло. – Вы кто? – снова спросил он.

– Я – Ганеша! Сын своего достойнейшего отца, Разруши-

теля Вселенной Шивы, и его божественной супруги светлой Парвати, – буднично произнес водитель и почесал морщинистое слоновье ухо. – А это моя ездая вахана Мушика.

Очертания кабины стали растворяться в воздухе, и Тянюшкин обнаружил себя на солнцепеке посреди большого серого ковра. В следующее мгновение ковер ожил и зашевелился. Тянюшкин обмер – он сидел на спине мыши, огромной, как пожарная машина, и горячей, как батарея.

Мышь грозно топорщила усы, длинные, как бамбуковые удочки, и неслась по шоссе гигантскими прыжками, перемахивая через встречные и попутные машины, которые сверху казались игрушечными. Под жестким ворсом ходили поршни огромных мускулов. Тянюшкин отчаянно цеплялся за жесткую, словно стальная проволока, шерсть, а голова его с разинутым ртом качалась на шее как фарфоровая головка китайского болванчика.

Прыжок, еще прыжок, его подбросило вверх, пальцы разжались, и навстречу ему всеми своими смертельными трещинами и выбоинами рванулась полоса раскаленного асфальта. Тянюшкин зажмурился, нелепо растопырившись в воздухе, но в последний момент пухлая рука Ганеши ухватила его за плечо и с нечеловеческой силой вдавила в жесткую спинку пассажирского сиденья.

«Слон!!!» – взорвалось в мозгу у Тянюшкина, и его сознание скользнуло в спасительную темноту.

Глава 10

Герой

Танюшкин прекрасно помнил день, когда к нему прилипло это дурацкое прозвище – Герой.

Славе только что стукнуло тринадцать, и он стал серебряным призером на детско-юношеском турнире по боксу. Проиграл единственный бой и занял второе место. А до этого случая и на районных, и на городских соревнованиях получал только первые, но боев не выигрывал, да и вообще не дрался. Такой вот парадокс! А весь секрет в том, что драться было не с кем.

К тринадцати годам из Танюшкина вымахал здоровенный лоб под метр восемьдесят, и весил он слегка за семьдесят. Поэтому-то в его возрастной категории не находилось противников соответствующего веса. Танюшкина заявляли на соревнования, и он, не выходя на ринг, занимал первое место. Медали, правда, за это не полагалось, но тренер Михалыч получал нужную галочку.

Однако во всем этом они оба чувствовали подвох, и честный Михалыч сочувственно похлопывал Славика по спине: «Ничего, парень! Будет и на твоей улице праздник! Главное, тренируйся, а бои придут!»

Танюшкин всем своим видом изображал огорчение, но, если по-честному, совершенно не расстраивался. Бокс он не

любил, физическую боль не то чтобы совсем уж боялся, но откровенно недолюбливал. Однако тренировать силу и боевой дух его год назад отправил старший брат, и этот подарок судьбы обжалованию не подлежал.

В конце концов вышло, что Михалыч как в воду глядел. Обещанный тренером праздник на улице Танюшкина наступил неожиданно. Однако самое печальное заключалось в том, что морально к этому пиршеству боксерского духа он оказался совершенно не готов!

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что неприятности Славика Танюшкина начались задолго до того. В шестом классе он сильно вытянулся и раздался в плечах. Высокий рост и крупная фигура заметно выделяли его среди одноклассников и, к несчастью, сделали удобной мишенью для ребят постарше. Некоторые из них заметно уступали ему в росте, однако, зная, как говорила сестра, «телячий» нрав Танюшкина, при встрече с удовольствием отрабатывали на нем увиденные в кино каратистские приемы.

Иногда он неловко отмахивался от обидчиков, но чаще дело сводилось к тому, что Танюшкина зажимали в угол сразу двое, а то и трое старшеклассников и метелили почем зря. Ему оставалось только прикрывать лицо и живот руками да глотать слезы от бессилия.

Дома Танюшкин помалкивал, справедливо полагая, что от родителей помощи ждать не приходится. Отец работал заместителем главного инженера, но дела у его завода в то время

шли хуже некуда, и ему явно было не до Славиковых проблем. К тому же Танюшкин и так знал – спроси он совета, отец предложит взять в руки что-нибудь потяжелее, вроде табуретки, и проучить школьных хулиганов.

Танюшкин не сомневался, что, окажись батя на его месте, так бы и сделал. Ну так то отец, человек старой закалки! А маманю вообще грех расстраивать. Она разрывалась на двух работах, а по вечерам суежилась на кухне, маленькая, едва живая от усталости.

Короче, все так и шло, больно и обидно, но, к счастью, без серьезного членовредительства. Синяки и ссадины не в счет. Танюшкин помаленьку рос и учился выживать. Иногда, зная, что у выхода из школы его поджидает целая компания любителей бесплатных развлечений, он покидал школу по-английски, через окно туалета первого этажа. И этот день становился для него по-настоящему счастливым.

Наконец сестре Наталье надоело лицезреть его вечно разбитую физиономию. Воспользовавшись случаем, когда их старший брат Димка, курсант третьего курса Рязанского воздушно-десантного, приехал в отпуск, она с чисто женской непосредственностью вывалила на того весь ворох проблем Славика, приукрасив собственными догадками. Сестрица в ультимативном тоне потребовала от лихого десантника пойти в школу и по-мужски решить вопрос, то есть, как минимум, поговорить с директором, а как максимум – начистить рожи обидчикам бедного Славика. Причем последнее, по ее

мнению, выглядело предпочтительнее.

Старший брат оглядел поникшую фигуру младшего, с удивлением заметив, что тот почти сравнялся с ним ростом, хмыкнул:

– Запущенный случай! Ладно! Разберемся!

Велел ждать и ушел переодеваться в гражданку. Жаль! Славик уже живо представил, как Димон при полном параде – голубой берет заломлен на затылок, сержантские лычки сверкают золотом – небрежно держит за шиворот дылду из девятого «б» и лениво так спрашивает: «Послушай, как там тебя? Сидоров? Вот что я скажу тебе, Сидоров... Если еще раз ты, Сидоров...» Сцена наказания врагов, явившаяся ему во всей красе воображения обиженного подростка, была восхитительна и поражала натурализмом деталей...

«Запущенный случай»! Славу несколько покорило вмешательство сестры, а особенно описание неприятных подробностей, вроде разбитого носа и фингала под левым глазом. Выглядело так, что при этом разговоре случилось некое, хоть и неумышленное, но крайне обидное, умаление его взрослой личности, способной самостоятельно решать свои проблемы.

И вместе с тем... Да что скрывать? Танюшкин почувствовал огромное, нет, громаднейшее облегчение. Если отбросить сантименты, все получилось вполне достойно. Он, как настоящий герой, мужественно терпел боль и ни единым словом не обмолвился о своих бедах. И судьба вознаградила

его!

– К Михалычу! – весело бросил брат, снова появляясь на кухне, которая послужила сценой для предыдущего разговора. Он переоделся в джинсы, майка туго обтягивала накачанные плечи. На боку болталась красная спортивная сумка, в ней что-то позвякивало. Танюшкин не понял, кто такой этот Михалыч, но счел за лучшее не переспрашивать. Не все ли равно, если через несколько минут его ждут незабываемые впечатления от встречи с недругами. Напутствуемые советами Натальи, братья молча вышли на улицу. Старший – хитро ухмыляясь, младший – с торжественно-постным и одновременно предвкушающим выражением на лице.

– Слышь, Дим! Нам налево, – вежливо напомнил Танюшкин, заметив, что они свернули не в ту сторону. – А то путь кривой получится...

– Этот самый прямой! – бодро отозвался брат, продолжая уверенно шагать в противоположном направлении. – По себе знаю!

Странно, и трех лет не прошло, а Димка позабыл дорогу в родную школу! Озадаченный Танюшкин еле поспевал следом, гадая, зачем Димону потребовалось ходить окольными тропами.

Впрочем, долго ломать голову не пришлось. Довольно скоро они очутились перед зданием, в котором размещалась городская детско-юношеская спортивная школа. И в ней – секция бокса!

Постигшее Танюшкина разочарование оказалось невыносимо жестоким. Славик буквально онемел, не в силах поверить в случившееся. Хитрый брат, вместо того чтобы выполнить свой долг, дать в рыло уроду из девятого «б», притащил его в боксерскую секцию. И не просто притащил, а сдал младшего брательника на руки невысокому жилистому тренеру.

Надо заметить, что рыхловатый Славик тому не глянулся. Тренер посетовал, что набор вроде как закончен, и в душе младшего Танюшкина вспыхнула слабая надежда, что сейчас его отправят домой. Однако такое развитие событий расходилось с планами десантуры. Проклятый Димон многозначительно звякнул красной сумкой, и они вдвоем с Михалычем удалились в тренерскую, а Славик остался ждать, тоскливо озираясь.

В зале кипела работа – остро разило потом, жужжали скакалки, раздавались тяжелые глухие удары, скрипели и тяжело раскачивались на цепях потрепанные боксерские мешки. И никто не обращал внимания на злосчастного пленника обстоятельств.

Через несколько минут появившийся в дверях тренерской Димка доходчиво объяснил младшему брату, что отныне его судьба целиком и полностью отдана в руки мастера спорта СССР по боксу, призера первенства страны в легком весе Петра Михалыча Загорулько. И этот замечательный человек, в свою очередь, обязательно сделает человека из Славки. И

добавил, гад, на всякий случай, что с отцом вопрос согласован и полностью одобрен. Так что работай, брательник, и не жужжи!

Ссылка на отца окончательно добила Танюшкина. Он только теперь осознал, как крупно его подставили горячо любимые родственники. На следующий день – а что ему оставалось делать? – приплелся на тренировку. Домой в первые дни еле доползал, но продолжал ходить словно на автопилоте. Недели через три Слава окончательно смирился со своей долей. Как говорится, вы будете смеяться, но теперь его били и в школе, и на боксе.

Правда, спустя некоторое время в школе Танюшкина бить стали пореже, а потом и вовсе перестали. Трудно сказать почему. Вряд ли из-за боксерских успехов. Скорее всего, помог кто-то из ребят с секции, из тех, что учились в его школе и помнили Димку. Фотография брата с чемпионским кубком висела в зале на видном месте.

Прошел первый месяц, и стало чуть-чуть полегче. Как-то незаметно в боксерском зале Славу признали за своего, жали руку при встрече, усердно лупили в спарринге и даже слегка жалели за беззлобный нрав, – приложишь его как следует, а он даже рассердиться не способен!

В школе дела наладились, но синяков в его жизни меньше не стало. Да что там! Их стало гораздо больше! Не раз еще огорченная Наталья, разглядев на физиономии несчастного Славика очередное украшение, заработанное на тренировке,

костерила уехавшего Димку почему зря – проблему вроде решил, но криво, через всем известное место...

Время шло, юный Танюшкин потел в зале, продолжая безропотно тянуть боксерскую лямку. Одно хорошо – на соревнованиях, в отличие от других парней из секции, не мандражировал, был расслаблен и спокоен, как слон. Знал, что заслуженное первое место никуда от него не денется.

Но тут-то и случился обещанный тренером праздник! Дело было так.

Сначала погрузившийся в размышления Танюшкин услышал, как поблизости шепотом упомянули его фамилию. Однако он не придал этому особого значения. Потом появился легковес Витек и зачем-то ободряюще похлопал Танюшкина по спине. Его круглая конопатая физиономия имела удивительно торжественный вид. Подошел еще кто-то из ребят с секции и тоже шлепнул по спине. Типа подбодрил...

Когда интерес к его спине обнаружился у четвертого человека подряд, Танюшкин заподозрил неладное и отправился разыскивать Михалыча. Тот нашелся довольно скоро и, как отметил Танюшкин, выглядел слегка озабоченным.

– В общем так, Славка! Будет тебе сегодня бой, полчаса у тебя точно имеется, готовься! – «обрадовал» тренер неожиданной новостью и, видя, что ученик впал в ступор, похлопал – кто бы сомневался? – по многострадальной спине. – Бери скакалку, разогревайся, управляюсь с бумагами – подойду.

Обещанные полчаса уложились в одно мгновение. Раз – и Танюшкин обнаружил себя в углу ринга заторможенно кивающим в ответ на последние инструкции Михалыча. Краешком сознания он ухватывал: «...главное, на дальней дистанции... ногами работай...», однако мысли витали непонятно где. Но затем взгляд Славика сфокусировался на сопернике, и накатила паника.

Жуткое зрелище! Ростом его противник был на полголовы ниже Танюшкина, но ширина плеч! Мускулатура! На смуглых щеках виднелись подозрительные порезы, будто от неумелого бритья. Светлые, словно граненые, глаза холодно изучали Танюшкина, который в этот момент сам себе показался дохлой мухой под линзой микроскопа.

– Какого он года? – потрясенно выдохнул Славик, не сводя глаз со свирепой физиономии светлоглазого.

– Подмена, конечно, – подтвердил его худшие опасения Михалыч. – Наверняка по документам младшего брата приехал. Делают тому разряд! Был бы паспорт с фотографией, а свидетельство о рождении как проверишь? Хотя, скажу тебе, и паспорт не помогает. Бывает, пять братьев – и все на одно лицо! Нутром чувствуешь – подмена, а поди докажи...

– Петр Михалыч! – взмолился Танюшкин. – Да ему же лет двадцать!

– Не-е-а, – успокоил его тренер, – пятнадцать, ну максимум шестнадцать! – И видя, что слова не произвели на ученика должного эффекта, добавил свое обычное: – А никто и

не говорил, что будет легко!

Этот бой навсегда врезался в память зрителей и остался в анналах истории боксерской секции Михалыча, однако сам его непосредственный участник впоследствии не помнил ничего.

Для Танюшкина все слилось в бесконечный вихрь размашистых ударов, которые сыпались на него со всех сторон. Он инстинктивно поднимал перчатки, прикрывая голову, пытался разорвать дистанцию, но опаздывал. Тяжелые безжалостные удары соперника нагоняли Танюшкина повсюду. Несмотря на то, что пока попадали они вскользь или вязли в Славиных перчатках, его каждый раз ощутимо потряхивало.

Сердце колотилось как бешеное. Взгляд светлых граненых глаз гипнотизировал Славу. Откуда-то издалека, словно сквозь поролон наушников, долетали обрывки слов Михалыча. Тренер опять пытался напомнить ему про дистанцию.

Дистанция! С какой радостью оказался бы сейчас Танюшкин на дистанции в сто километров от жуткого монстра в перчатках, который раз за разом обрушивал на него сокрушительные удары! К черту такой бокс!

Неожиданный удар гонга застал его в глухой защите, прижатым к канатам. Почти на грани. Противник, небрежно опустив руки, кровожадно выцеливал незащищенный подбородок Танюшкина, готовый поставить в бою эффектную точку.

Когда Танюшкин, пошатываясь, доплелся в свой угол,

непривычно серьезный Михалыч тихо спросил:

– Ты как, Славка? С защитой все нормально, по делу он в тебя ни разу не попал. Но дышишь как паровоз. Того и гляди свалишься! Подумай, выйдешь на второй раунд или...

В гудящей голове вспыхнула невероятная надежда – неужели сейчас весь этот кошмар закончится? Но чей-то голос, очень похожий на его собственный, неожиданно прохрипел:

– Выйду...

– Ну с богом! – махнул рукой махровый атеист Михалыч и подтолкнул Славика вперед: – Работай, герой!

Начался второй раунд. Отдохнувший соперник решил не откладывать результат на потом. Подгоняемый выкриками своего тренера: «Левой по корпусу, по корпусу работай!», он в два счета очутился рядом с Танюшкиным и принялся охаживать того по ребрам. Новая тактика оказалась неприятным сюрпризом для Славика. Получив ряд коротких, но чрезвычайно болезненных ударов, он согнулся пополам и уцепился за канаты.

Соперник хищно нависал над ним, готовясь нанести завершающий удар. Пацаны с секции притихли. Михалыч, глухо матерясь вполголоса, комкал в руках мокрое полотенце. Наступил отчаянный решающий момент.

И вдруг сквозь мутную безнадежную пелену, сквозь текущий по лицу пот и рой слепящих мошек в глазах до Танюшкина откуда-то донеслось: «Герой! Работай, герой!» – и

вялые, шаткие ноги вдруг окрепли, рванули его вверх! Танюшкин резко вскинул голову, распрямляясь как отпущенная пружина, и... в следующее мгновение со стоном рухнул на колени. Казалось, на затылок обрушился отбойный молоток.

Еще некоторое время спустя он обнаружил себя в углу на стуле. Голова трещала и раскалывалась. Внутри нее полудохлой рыбиной трепыхалась мысль: «К черту такой бокс, пора завязывать!» Михалыч прикладывал к его макушке мокрое полотенце, но без особого толку. Танюшкин вяло, словно в полусне, попытался понять, что произошло и куда девался противник. Наконец его взгляд наткнулся на стертые подошвы чужих боксерок. Грозный соперник неподвижно лежал посреди ринга, и над ним хлопотала толстая медсестра в белом халате. Глаза резало от запаха нашатыря.

– Так, я что... – поразился Танюшкин, – победил? – Он поднес к лицу правую перчатку, будто ждал, что она объяснит случившееся. – Но как?

– Да не-е, – ухмыльнулся Михалыч. – Поражение тебе засчитали. Запрещенный удар головой и дисквалификация. Но нокаут вышел на славу! На вот, приложи лед к затылку, герой!

Пацаны рядом услышали и подхватили. Так и стали звать Героем. Приклеилось так, что даже седенькая химичка, никогда не слышавшая о его подвиге, говорила: «Кто у нас первым отвечать? А, Герой? Ну давай-давай, выходи к доске!»

Прозвище, конечно, звучало гордо, но чудился в нем подвох, и шло оно Танюшкину как корове седло. Однако делать нечего, звали – откликался. И не важно, что больше ничего героического за ним не числилось.

Бокс Слава не бросил, хотя после боя такая мысль не раз приходила в его побитую голову. И дело даже не в отце или в Димке. Как потом Михалычу в глаза смотреть! Поэтому он продолжал заниматься в секции, впрочем без особых успехов. «Бумажные» победы скоро закончились. Годам к шестнадцати Танюшкин почти перестал расти. На физкультуре, когда строились по росту, оказывался уже третьим в шеренге. Соперники, напротив, времени зря не теряли, росли. На каждом соревновании в его весе попадалось как минимум два, а то и три-четыре участника. Танюшкин привык. Тренировался. Терпел. Выходил на ринг. Иногда, к радости Михалыча, даже выигрывал и занимал призовое место.

Однако тот памятный первый бой, как лакмусовая бумажка на уроке химии, проявил очевидное. Главным и, к сожалению, единственным бойцовским достоинством Славы Танюшкина оставалось умение держать удар.

Ни тебе реакции, ни поставленного прямого, кросса или, на худой конец, апперкота. Неплох был только левый боковой по печени, который удалось вдолбить Михалычу в нерадивого ученика. Маловато для того, чтобы стать классным боксером.

Но зато удар он держал как никто!

Глава 11

Боги

Лопоухий толстенький человечек с большой лысой головой с торжественным видом выложил на стол новенький серебристый планшет и принялся тыкать в клавиши пухлым указательным пальцем. Молодой красавец с лицом киноактера бесстрастно взирал на неуклюжую возню своего спутника, ожидая, когда тот заговорит. Несмотря на обеденный час, кроме них двоих на веранде кафе не было ни одного посетителя.

– Вот, взгляните – наш новый герой! – толстячку с третьей попытки удалось включить видеозапись.

На боксерском ринге двое. Проигравший – широкоплечий, мускулистый, лежит на спине, раскинув руки и уставившись в потолок остекленевшими глазами. Рядом суетится женщина в белом халате. Победитель – в углу на стуле, с мокрым полотенцем на затылке.

Изображение увеличилось и переместилось на растерянное лицо крупного неуклюжего подростка, который с удивлением разглядывал собственные руки в боксерских перчатках. Красавец некоторое время пристально смотрел на экран, затем недовольно произнес:

– Где он сейчас? Я не чувствую его суть.

– Северная варварская страна, далеко отсюда, – тоскливо

вздыхнул толстячок. – Простите, он, конечно, не слишком похож на героя...

– Не знаю, как ты их различаешь, для меня все смертные на одно лицо, – прервал его извинения молодой, затем, бросив взгляд на подростка, недовольно поморщился: – Хотя у этого, и в самом деле, удивительно нелепый вид!

– Что делать! Линия судьбы выбрала именно его, – огорченно пробормотал собеседник.

– Ты – Владыка препятствий! Подари ему силу, ум, хитрость – все те качества, что требуются настоящему герою! Нам нужен новый Рама! – рассердился красавец, резким движением откидывая со лба черные блестящие волосы.

– Я не могу! – умоляюще всплеснул руками толстячок. – Будь он обычным человеком – это не составило бы труда. Но линия судьбы сама плетет нить жизни героя и не позволяет оказать на него сильное влияние. Истинный герой должен сам пройти свой путь от начала до конца.

– Что за ерунда! Простой смертный Рама был героем, но таким его создали мы!

– Теперь все иначе, – уныло ответил толстячок, – новые времена, новые герои...

Никто из них не обратил внимания на грязного, худого как скелет человека, который сидел на противоположной стороне улочки и зачарованно смотрел на людей, расположившихся на веранде. Людей? Антар не был в этом уверен.

Подчиняясь неясному чувству, он прикрыл веки, слов-

но вглядываясь внутренним зрением в мутное стекло старого детского калейдоскопа. Мысленно повернул картонную трубку по часовой стрелке.

Цветные стекляшки, из которых было сложено изображение голубого неба, пыльной улицы, белых пластиковых столов, двух фигур посетителей кафе, осыпались, складываясь в совсем другую картину.

Круглое лицо толстячка поплыло, искажаясь в переливах стеклянного дождя и проявляя грубую слоновью кожу, серую, словно выжженная солнцем, растрескавшаяся земля. Морщинистый хобот, сломанный, потемневший от времени бивень. Глаза жутковатые, цвета куриного желтка с кровью. Из завораживающей глубины темных зрачков глядела перевозданная, непостижимая сущность, древняя, как сам мир. Владыка препятствий...

Антар вгляделся в его молодого щеголеватого спутника, и, хотя он уже давно ничего не боялся в этой жизни, ему стало страшно. Красивое надменное лицо «киноактера» практически не изменилось, разве что черты стали резче, грубее, часть спадающих на широкие плечи волос оказалась убрана в знакомый высокий узел, а смуглая кожа приобрела синий нечеловеческий оттенок.

Больше ничего разглядеть не удалось. Белый свет, словно облако, окутывавший фигуру красавца, слепил, резал глаза. Синелицкий казался гигантским оголенным проводом, и вокруг него гудело чудовищное силовое поле. Невидимое ни

для кого из смертных, кроме него. Сам Великий...

В легких разом закончился воздух. Антар почувствовал, как дикая сила стискивает виски, давит на затылок, пригибая его тщедушное тело к земле. Он захрипел, дернулся, отводя взгляд, и упал лицом в уличную пыль.

Когда через час он пришел в себя и осмелился поднять голову, красавец и толстячок уже ушли. Веранда кафе заполнилась посетителями, но столик, за которым сидели эти двое, так и остался незанятым.

Антар смотрел в жаркое неумолимое небо Варанаси и исто-вово, взхлеб, молился, разевая черный беззубый рот. Ссох-шиеся губы тряслись, по грязным морщинистым щекам ка-тились благодарные слезы.

Ему только что дали понять, что долгие годы ожидания и боли, все страдания, через которые ему пришлось прой-ти, были не напрасны. Он, словно наполовину обугленное полено в погребальном костре, еще не исполнил свое пред-назначение. Исполнит, и город Великого Шивы даст легкую смерть и отпустит измученную душу... – Пригляди за смерт-ным! – велел красавец, прощаясь. – Слишком многое постав-лено на кон! Этот... герой должен стать нашим оружием!

– Конечно, – склонился в глубоком поклоне человек с го-ловой слона. – Я сделаю все, что могу, отец.

Часть вторая

Глава 1

Пропавшая папка

А начиналось все просто прекрасно. Хотя, если по порядку, то сначала дела у Павловского шли неважно.

– Слушай, Влад, надо прибавить! Результат нужен! – неизменно напутствовало его руководство.

Он пытался. Не получалось. В свои тридцать восемь он занимал неплохую должность и зарабатывал хорошие деньги, однако чувствовал – его время уходит. Молодые напористые ребята с дипломами МБА буквально наступали на пятки. Да что там другие! Собственная бывшая жена, которую он помнил молоденькой девчонкой, неожиданно превратилась в сильную, уверенную в себе хищницу. Ее управление без малейшего стеснения выхватывало самые вкусные сделки прямо из-под носа у его нерасторопных сотрудников...

Словом, запахло жареным, и Павловский задергался. В государственных банках еще встречаются люди, которые приходят в девять и уходят в шесть, но в инвестиционном бизнесе по-другому. Не соответствуешь – добро пожаловать на выход. На твое место найдется с полсотни кандидатов,

которые за меньшие деньги станут работать в полтора раза больше. Он начал писать резюме.

И вот тогда ему неожиданно позвонили и сделали предложение, от которого нельзя отказаться.

Высокий охранник в черном костюме и белой рубашке с галстуком встретил его у ворот старинного особняка в пределах Бульварного кольца и провел в здание. Молодая секретарша попросила подождать в обставленной дорогой мебелью приемной, позвонила и, получив согласие, распахнула дверь с бронзовой табличкой «М. В. Бахтин, председатель правления».

– Добрый день, Владислав Сергеевич, – приветствовал Павловского невысокий худощавый человек лет пятидесяти, поднимаясь из-за стола и протягивая ему руку. – Присаживайтесь, пожалуйста. Чай? Кофе? Нет? Ну тогда давайте, если не возражаете, сразу к делу!

Павловский, разумеется, не возражал.

– Основной собственник нашего банка, – начал хозяин кабинета, – является владельцем крупного промышленного холдинга. Строительный бизнес, цементный и так далее. Чуть ли не каждую неделю возникают сделки, связанные с покупкой новых активов, понимаете?

Влад кивнул.

– А банк наш не справляется с нагрузкой, работает по старинке, на одних кредитах, – с досадой продолжил Бахтин. – Ясно, что нужны более эффективные механизмы финанси-

рования. Причем собственник поставил задачу – своими силами. А то как-то посчитали, сколько тратим на всяких консультантов, – прослезились!

Павловский молча кивнул. Известное дело. Консультанты, что наши, что иностранцы, задаром не работают. – Так вот, Владислав Сергеевич, позвольте перейти к сути нашего разговора, а то я читаю в ваших глазах законный вопрос – зачем мы вас пригласили. Ведь вы именно это хотели спросить?

Павловский, разумеется, хотел.

– Наше предложение заключается в следующем, – продолжил хозяин кабинета, – что бы вы ответили, если бы мы предложили вам... – последовала пауза, – должность члена правления нашего банка? Нашей организации нужны настоящие профессионалы своего дела, такие, как вы.

Павловский, услышав слова «член правления», так и застыл с полуоткрытым ртом. Он неловко пошевелился в кресле, отчего предательски скрипнул задетый им журнальный столик. Здесь какая-то ошибка... Должно быть, они не поняли, что он всего лишь заместитель начальника управления. Конечно, крупного банка, но даже не директор департамента...

– Что скажете? – Бахтин терпеливо ждал ответа.

– Извините... Ваше предложение очень... очень меня заинтересовало, – наконец выдавил из себя потрясенный Павловский, – но вы уверены, что я – тот, кто вам нужен? – Вне

всяких сомнений. Мы искали человека под конкретную задачу. Не скрою, просмотрели нескольких претендентов, но в конце концов решили остановиться на вашей кандидатуре. Для меня, например, решающим аргументом стал ваш опыт. Если не ошибаюсь, шестнадцать лет в одном банке?

– Да, – кивнул Павловский, поражаясь иронии судьбы, повлиявшей на выбор в его пользу. «Спасибо старой школе!»

На самом деле то, что он бессменно проработал на одном месте, давно превратилось в основной недостаток его резюме. Их бывшая главная кадровичка не раз заявляла, что эффективный срок работы сотрудника на одном месте – пять-шесть лет. Потом нужно менять команду. Сама она, кстати, в банке надолго не задержалась, ушла повышать текучку кадров в других областях отечественной экономики.

– Если возражений по сути не имеется, по деталям, думаю, договоримся, – продолжил Бахтин. – Зарплата, или лучше назовем это доходом, в два с половиной раза больше, чем вы получаете сейчас. По итогам года – бонус. Отдельный кабинет. Секретарь. Служебная машина с водителем. Что еще? – он на секунду задумался. – Компенсационный пакет у нас хороший, подробности можно уточнить в кадрах.

Павловский шокированно молчал.

– Ну так по рукам, Владислав Сергеевич, или вам нужно время все взвесить, обдумать? – усмехнулся хозяин кабинета.

«Too good to be true, как говорят англичане», – подумал

Павловский и сам себя перевел: «Слишком хорошо, чтобы быть правдой».

Вдруг еще минута, и выяснится, что они его с кем-то перепутали. Открыл рот, чтобы ответить. Вышло нечто совсем невнятное:

– Да... конечно... согласен...

Он получил должность члена правления среднего, но вполне приличного банка, черный «лексус» с водителем и целый департамент, который, правда, насчитывал, смешно сказать, всего семь сотрудников, не считая личного секретаря, которую все звали Верочкой.

Павловский с головой погрузился в работу. Надо сказать, сотруднички ему достались непростые! В основном это были еще совсем молодые ребята, вчерашние студенты. Большинство – дети или родственники руководителей, работавших в холдинге.

Ни один, как быстро выяснил Павловский, не мог составить простейший документ. Средний результат по департаменту – пять ошибок на странице. И занимался его департамент не только инвестиционными сделками, а всем подряд, до чего не доходили руки у других подразделений. Сделки же, как и обещал Бахтин, сыпались одна за другой. Впрочем, все это не смущало Влада.

Секретарь Верочка оказалась стройным симпатичным созданием двадцати двух лет от роду, с круглыми зелеными глазами, длинным веснушчатым носом и рыжими кудряшка-

ми. Как уяснил для себя Павловский, ее отец тоже работал в банке. Судя по всему, кем-то не выше охранника, поскольку в руководстве службы безопасности человек с Верочкиной фамилией не значился.

Ей нравились короткие юбки, и первое время, когда она влетала к нему в кабинет с малиновой папкой для документов, Влад не знал, куда отвести глаза, и чувствовал себя в роли персонажа известной советской комедии. Тот мрачный тип сидел возле лестницы и украдкой разглядывал ноги проходящих мимо сотрудниц.

Какое учебное заведение закончила Верочка, Павловский не знал, однако, быстро убедившись, что поручать ей что-либо серьезное опасно, не слишком перегружал девушку заданиями. К тому же, неизвестно по какой причине, – возможно, настояли родители? – но, едва окончив университет, Верочка решила продолжить учебу и поступила в магистратуру. Как результат, каждый вечер после шести ее место пустовало.

Павловский трудился с утра до ночи, и его, в отличие от старой работы, никто не подгонял. Влад чувствовал себя в своей стихии и был почти счастлив.

И в остальном жизнь тоже налаживалась. После развода Павловский долго снимал двушку в центре. А тут позвонил знакомый риэлтор и предложил дом с полной отделкой и мебелью в красивом обжитом поселке на Новой Риге. Хозяевам срочно потребовались деньги. Цена выглядела вполне боже-

ской, но отложенных сбережений все равно не хватало. Павловский подумал, покрутил в голове приятные цифры новой зарплаты и, наплевав на собственные принципы, взял ипотеку.

Не прошло и двух месяцев, как он поселился за городом, и каждое утро черный служебный «лексус» ждал его у ворот с кованной решеткой. Спускаясь по лестнице из беленого дуба, Павловский не раз представлял себе, что сказала бы бывшая жена, узнай она, как изменилась его жизнь. Впрочем, гадать не имело смысла – ей было глубоко наплевать...

С председателем они сработались. Тот ценил лошадиную работоспособность Павловского и к тому же сам оказался трудоголиком. Почти каждый вечер, отпустив секретаря, он подолгу засиживался в своем кабинете, расписывая документы и просматривая отчеты. Бывало, они с Владом сталкивались в гулких коридорах ночного здания и, вместо того чтобы ехать домой, начинали оживленно обсуждать накопившиеся за день вопросы.

Несколько мешало, что юристы до сих пор не оформили на него приказ с правом подписи документов и приходилось с каждой бумажкой бежать к Бахтину. Но здесь он особенно не переживал. Жизнь научила – каждая твоя закорючка на документе – лишняя ответственность.

К сожалению, уже несколько дней Бахтин постоянно оказывался занят. Прорваться к нему с документами не было никакой возможности. При случайной встрече в коридо-

ре Павловскому почудилось, что выглядит шеф болезненно утомленным и хмурым.

В этот день Бахтин наконец вызвал его к себе. Он был мрачен и сильно спешил.

– Приказ на вас готов, заберете у юристов, – отрывисто бросил он Павловскому и неожиданно добавил: – Смотрите, повнимательнее. А то подсунут на подпись какую-нибудь хреновину...

– Кто подсунет? – растерялся Влад.

– Да есть умельцы, – непонятно и зло ответил Бахтин и сунул ему в руки тонкую папку: – Возьмите, Владислав Сергеевич, полистайте. Вечером вернусь, обсудим.

В папке лежала всего одна бумажка – ксерокопия заявки на получение кредита от некой компании. Самое удивительное – название и адрес компании были тщательно вымараны.

Примерно в половине одиннадцатого Павловский услышал, как во двор въехала машина. Решив, что это вернулся Бахтин, он немного выждал для приличия, взял папку и направился к шефу.

Его шаги гулко отдавались в пустом коридоре. В приемной председателя оказалось темно. Из приоткрытой двери кабинета Бахтина выбивалась узкая полоска света. Павловский постучал и осторожно заглянул. Его взгляд уткнулся в лакированные подошвы мужских ботинок... Он по инерции сделал еще шаг и замер с открытым ртом.

Бахтин лежал на спине, одна рука прижата к груди, другая

странно вывернута. Его и без того узкое лицо заострилось и выглядело пугающе бледным.

– Михаил Васильевич, – позвал Павловский, бросая папку на пол и наклоняясь над лежащим.

Веки дрогнули, на Влада уставился мутные, больные глаза.

– Михаил Васильевич, что с вами?

Взгляд на мгновение прояснился, узнавая, приобрел знакомое бахтинское выражение. Синие губы шевельнулись:

– И-и...

Павловский уловил едва заметный шорох в приемной. Опрометью выскочил за дверь, чтобы позвать на помощь. Никого! Он бросился вниз к охране.

Когда вернулся, Бахтин был мертв, а папка, которую Павловский оставил рядом с телом, непостижимым образом исчезла.

Глава 2

Тезка композитора

А еще через неделю о Бахтине забыли. Павловский тоже был бы рад не вспоминать печальные обстоятельства, но спустя несколько дней у него в кабинете появился следователь и долго задавал неприятные вопросы.

«Нет, конфликтов с покойным не было», – терпеливо повторял Павловский. Да, он последний, кто видел Бахтина живым, и так далее.

О пропавшей папке он почему-то промолчал.

А затем все это разом вылетело из головы, потому что у Павловского появился новый начальник.

Звали его Александр Владимирович Бородин. Как авторитетно заявила закончившая музыкальную школу Верочка – почти полный тезка композитора. На спешно созванном заседании правления угрюмый владелец банка коротко сообщил, что обязанности председателя будет выполнять первый зампред.

В банке Бородин появился недавно, одновременно с Павловским, но они почти не пересекались, так как Влад работал напрямую с председателем. Новый начальник, попав с корабля на бал, сразу включился в работу. Однако личное знакомство Павловского с первым зампредом все откладывалось, что немало беспокоило Влада.

У Бородина целыми днями сидели начальники кредитного и клиентского управлений, забегали и выбегали аудиторы, его стервозная секретарша постоянно названивала в отделы, требуя то одну, то другую справку. Одним словом, кипела работа.

Но прошло уже две недели, а о Павловском словно забыли. Первые дни Влад практически не отлучался из кабинета, ожидая звонка Бородина. Когда выскакивал на минутку в туалет, то просил беспечную Верочку быть на телефоне, чтобы, если что, сразу соединить с его мобильным.

По вечерам, хотя работы заметно поубавилось, Влад засиживался допоздна. Уходил только когда коридоры здания пустели и подвывание пылесоса уборщицы за дверью начинало действовать на нервы.

Дни тянулись бесконечно, и Павловский пытался сосредоточиться на работе, убеждая себя, что в принципе ничего плохого не происходит. Новый зампред входит в курс дела. Понятно, что кредиты и клиенты у него сейчас на первом месте.

Однако когда прошла целая неделя, а Павловского так и не вызвали, у него нехорошо засосало под ложечкой. Дело в том, что Влад уже привык к новой большой зарплате, которая с интимным звяканьем эсэмэски падала ему на счет.

Он успел полюбить небольшой, но уютный кабинет, обставленный мебелью из темного ореха – приятный контраст с дешевым серым пластиком на прежнем месте. Ради чле-

на правления хозяйственники расщедрились на письменный набор из тяжелого змеевика с бронзовыми часами, и каждое утро Влад приветствовал его, как друга, проводя подушечками пальцев по холодной поверхности зеленого камня.

После работы ему нравилось откинуться на спинку сиденья в черном служебном «лексусе», слушать негромкую музыку и, вдыхая дорогой запах кожаной обивки, смотреть в окно на огни города, который никогда не спит. К хорошему быстро привыкаешь, и Павловский не являлся исключением.

Он даже успел смириться с постоянным отсутствием Верочки на рабочем месте и хронической неспособностью сотрудников департамента воспроизвести в печатном виде хотя бы одну из его идей. Павловский просто понял, что на приведение этого хаоса в порядок потребуется время, и думал, что оно у него есть. Затянувшееся молчание нового первого зампреда говорило об обратном.

Наконец ровно через две недели Верочка его обрадовала – из первой приемной позвонили и назначили время. Двадцать один ноль-ноль. В пятницу. Павловский хорошо запомнил этот день, потому что именно с него началось затяжное падение в пропасть.

– Здравствуйте, здравствуйте!

Навстречу ему шагнул седой коренастый человек. Из-под клочковатых бровей на Павловского снизу вверх глянули внимательные глаза. Крепкие пальцы решительно стиснули вялую ладонь гостя.

Александр Владимирович был без пиджака, в белой, явно дорогой рубашке с запонками и в темно-синих брюках с хорошо отглаженными стрелками. Взгляд Павловского привлекла полоска из желтого металла на темно-бордовом галстуке. Такие заколки сейчас почти не носят. Раньше их любили сотрудники советских внешнеторговых организаций и посольские работники.

– Вы уж извините, Владислав Сергеевич, что только сейчас удалось выкроить время для нашей встречи.

Начало беседы выглядело вполне безобидным, однако уже следующие слова хозяина кабинета заставили Павловского насторожиться.

– Столько разом дел навалилось, одно важнее другого, только успевай поворачивайся! Сидим тут до ночи с кредитниками, думаем, что да как. Просрочка растет как на дрожжах! Ну, вот наконец и до вас руки дошли.

Павловский внутренне поежился. Разговор ему не нравился. Владу явно давали понять, что дела его департамента к важным не относятся.

– Владислав Сергеевич, нужно нам с вами кое-что обсудить, так сказать, по вашей кафедре, – неторопливо и внушительно говорил Бородин. – Я, как вы знаете, принимаю дела, пытаюсь разобраться. Что эффективно, а что не очень. Стараюсь отделить зерна от плевел. И кое-какие выводы уже для себя сделал.

Он внимательно посмотрел на застывшего в кресле Пав-

ЛОВСКОГО.

– Знаете, какую первую задачу поставил мне владелец банка? Нет? Наверное, догадываетесь, – Бородин не сводил взгляда с напряженного лица Павловского: – Что всегда делают в условиях кризиса? Оптимизируют расходы! Согласны?

Павловский кивнул и мысленно застонал. Это конец. В глазах этого чужака его департамент, а если говорить честно, то прежде всего он сам со своей немаленькой зарплатой, выглядит как первый кандидат на сокращение.

– Предшественник мой придавал вашему департаменту большое значение. Для этого вас и приглашали – усилить в банке работу с инвестициями, так?

Павловский снова судорожно кивнул, пытаясь уловить, к чему клонит собеседник. От их беседы его бросало то в жар, то в холод. Сейчас ему показалось, что разговор начал поворачивать в благоприятное для него русло. Бородин, не дожидаясь более развернутого ответа, продолжал все тем же ровным тоном:

– Только вы меня, ради бога, извините, Владислав Сергеевич, но никаких результатов вашей деятельности на этом поприще мне обнаружить не удалось. Системы в вашем деле как не было, так и нет.

Павловский, который после слов о важности департамента успел расслабиться, вздрогнул. Это был, как говорится, удар в солнечное сплетение. Или еще хуже – левой по пече-

ни.

В это трудно поверить, но до поступления в институт Павловский – он тогда весил килограммов на пятнадцать меньше, чем сейчас, – занимался боксом. Особых успехов не достиг, однако ошеломляющий эффект от такого удара запомнил хорошо. Лежишь на полу, зажимая правый бок, и сучишь ногами от боли. После слов Бородина он испытал похожие ощущения.

– Прошу прощения, Александр Владимирович, – пришел в себя Павловский, – но я здесь всего два... два с половиной месяца...

– Владислав Сергеевич, – сокрушенно вздохнул Бородин, – это в большом государственном банке, где вы долго работали, два с половиной месяца – так, пустячок, знаете ли, – он пренебрежительно махнул рукой. – Это там можно годами ждать у моря погоды! А в коммерческом банке, если хотите выжить на рынке, два с половиной месяца – большой срок, за который нужно многое успеть! Вы со мной не согласны?

– Да, конечно... То есть нет... согласен... полностью... Но послушайте, Александр Владимирович, здесь какое-то недопонимание...

– Да какое недопонимание? – искренне удивился Бородин. – По-моему, все ясно. В нынешнем состоянии ваш департамент меня совершенно не устраивает. Даю вам время до вторника, чтобы подготовить конкретные предложения,

как наладить работу по вашему направлению.

«Во вторник очередной взнос по ипотеке», – некстати вспомнилось Павловскому.

Выходные он провел в офисе. В понедельник ушел в два часа ночи. Утром следующего дня лично отнес в приемную Бородину увесистую стопку листов.

Во вторник его не пригласили, он напрасно прождал среду, четверг... В пятницу, когда он почти дошел до ручки, его наконец вызвали к Бородину.

– Посмотрел, посмотрел, – встретил его первый зампред. – В целом неплохо, но документ абсолютно нечитаемый! Тридцать пять страниц! Ну куда это годится!

– Я мог бы сократить... – беспокойно заерзал в кресле Влад.

– Да уж будьте любезны! В ЦК КПСС пояснительные записки готовили на трех страницах, – первый зампред окинул измочаленного Павловского цепким оценивающим взглядом. – Понятно, тут другое дело, однако постарайтесь уложить страниц в десять. Все остальное в виде четких, понятных схем в приложения. Дадим вам еще один шанс?

Влад решил, что ослышался. Он поднял взгляд и неожиданно для себя увидел, что Бородин улыбается. Топорщились щеточки седоватых усов, усталое лицо разгладилось, глаза смотрели из-под клочковатых бровей добродушно и слегка насмешливо.

– Конечно... обязательно, Александр Владимирович! –

восторженно залепетал Павловский.

Все нелестные эпитеты в адрес собеседника мгновенно вылетели у него из головы.

Когда Павловский, отдуваясь, вернулся в свой кабинет, рубашка на нем была вся мокрая, хоть выжимай. В горле пересохло. Сорвав с шеи галстук, он жадно потянулся к пластиковой бутылке с водой и долго глотал тепловатую жидкость, не чувствуя вкуса.

Слава богу, укороченный вариант Бородину понравился. У Влада отлегло от сердца. Он чувствовал себя как приговоренный на эшафоте, которому сначала накинули петлю на шею, а потом отпустили погулять по площади среди зевак.

Глава 3

Молодцом!

Следующие пару месяцев Павловский трудился не покладая рук, чтобы оправдать доверие Бородина. К первому зампреду он быстро проникся уважением. Да, возможно, тот не слишком разбирался в тонкостях написания инструкций, но этого человека отличало главное – масштаб личности.

Чувствовалась в нем старая советская школа. В хорошем смысле этого слова. Это стало заметно по тому, как он сразу взял быка за рога – встретился с самыми важными клиентами и с наиболее проблемными заемщиками, после чего уволил двух из пяти членов правления, которые отвечали за клиентскую и кредитную работу. Кризис кризисом, но, тьфу-тьфу, дела у банка шли нормально. Как догадывался Павловский, во многом благодаря первому зампреду.

А потом начались неприятности. Во-первых, к нему снова приходил следователь, задавал свои дурацкие вопросы, чего-то явно недоговаривая. После беседы с ним хотелось закрыться в ванной и долго тереть кожу щеткой. Разговор с Бородиным успокоил, но не слишком.

– С вами следователь беседовал? – огорошил его вопросом первый зампред.

– Да, – подтвердил Влад, чувствуя себя неуютно под пристальным взглядом начальника. – Два раза.

– Все сходится, – как бы отвечая собственным мыслям, кивнул первый зампред.

– Что сходится? – нервно вскинулся Павловский.

– Да так, есть одна мысль, – словно не замечая его состояния, обронил Бородин. – Глубоко копают! Возможно, есть у них некие подозрения по поводу смерти моего предшественника. А ты, Владислав Сергеевич, – единственный свидетель...

– Да какой я свидетель? – всполошился Павловский, выведенный из равновесия этим резким переходом на ты. – Просто оказался в кабинете... Случайно!

– Мы-то с тобой понимаем, что случайно, – усмехнулся Бородин, – но у следствия могут быть свои соображения. От свидетеля до подозреваемого путь короткий.

– Подождите, Александр Владимирович! – взмолился Влад. – Вы хотите сказать, что меня могут подозревать... – Просто дам тебе совет, Владислав Сергеевич. Сиди тихо, работай. Если следователь будет задавать вопросы, не говори ничего лишнего. Это только повредит твоему положению, – медленно, с расстановкой проговорил первый зампред.

Павловский потрясенно молчал, не в силах поверить услышанному.

– Я по своим каналам постараюсь сделать так, чтобы урегулировать это недоразумение, – серьезно продолжил Бородин. – Банку не нужны некрасивые истории.

– Спасибо! Спасибо, Александр Владимирович! – благо-

дарно засуетился Павловский. – Я все понял!

– И чуть что, сразу ко мне! – завершил разговор Бородин.

А затем неприятности посыпались как из рога изобилия.

В этот день с самого утра все пошло кувырком. Во-первых, у него в кабинете появился сам Бородин. Не вызвал к себе, а заглянул, как говорится, на огонек. Судя по портфелю и стремительной походке, с какой он ворвался к Павловскому, первый зампред куда-то спешил и заскочил по пути.

Влад от неожиданности стиснул пластиковый стаканчик с кофе, горячая жидкость выплеснулась и ошпарила ему правую руку. Павловский едва не зашипел от боли и чудом удержался от того, чтобы сунуть пальцы в рот и облизать.

– Вы поаккуратнее, Владислав Сергеевич! Берегите здоровье! А то вы нам еще нужны, – услышал он насмешливый голос Бородина и поднял взгляд на вошедшего.

Странно, но, несмотря на веселый тон, глаза, прятавшиеся под кустистыми бровями, оставались серьезными. – Времени у нас с вами немного, постараюсь быть краток. Через час в офис подъедет клиент. Фамилию не помню. Уточните у моего помощника. У него строительный проект в Индии. Помощник в курсе вопроса, он занесет материалы. У меня просьба, Владислав Сергеевич, – встретьтесь с клиентом и обсудите детали сделки. Вопрос горячий. Возможно, потребуетя вынести на сегодняшний кредитный комитет. Меня не будет. Если что – ищите на мобильном. Секретарь соединит. Попрошу вас лично заняться этим вопросом. Вместе с

вами членов комитета будет четверо из шести, так что кворум набирается.

– В целом все ясно, Александр Владимирович, – неуверенно начал Влад, хотя никакой ясности не было и в помине.

Поручение выглядело откровенно странно. Зачем такая срочность? Индийский проект? Каким боком это относится к его департаменту? Для чего тогда нужны клиентщики? – Если позволите, хотел бы уточнить... Правильно ли я вас понял... мне нужно встретиться с клиентом, просмотреть материалы и срочно дать вам заключение к комитету? – он выжидающе взглянул на Бородина.

Зная взрывной характер первого зампреда, реакцию на непонятливого подчиненного невозможно было предсказать.

– Не совсем так, Владислав Сергеевич. Вернее, совсем не так, – неожиданно мягко ответил Бородин. – Во-первых, меня не будет, – он слегка качнул черным кожаным портфелем, – поэтому вам нужно хорошо разобраться в вопросе, продумать аргументацию. Доложите на комитете в предварительном порядке. Основное решение примем завтра на правлении. К этому времени я уже вернусь.

– А кто будет докладчиком? Ваш помощник? – уже задавая вопрос, Павловский знал ответ.

– Будем считать это шуткой, – Бородин снисходительно улыбнулся Владу, давая понять, что прощает ему явную глупость. – Вопрос срочный и важный. Вы у нас специалист по

инвестициям, профессионал. На кого мне еще рассчитывать в таком деле?

У Павловского прямо-таки вертелся на языке вопрос о клиентщиках. Ведь кому, как не им, встречаться с клиентом? Однако он промолчал. Во-первых, члена правления, который раньше отвечал за клиентскую работу, уволили, а новый, хотя и назначен, сдает дела на прежнем месте и выйдет лишь через две недели.

Во-вторых, уже самим фактом своего прихода в его кабинет Бородин четко дал понять – вопрос важный.

Отсюда следовало, что отказа могут и не простить. Влад хорошо помнил, как вернулся к себе после знакомства с Бородиным, мокрый, словно после третьего раунда. И теперь, когда все вроде бы наладилось, Павловскому не хотелось разделить судьбу уволенных коллег.

В-третьих, кредитный рассмотрит вопрос только в предварительном порядке, основное решение все равно будет принимать правление при участии самого Бородина. Ну и, в конце концов, самолюбию приятно польстили слова, что на Влада рассчитывают. Услышать такое от обычно суховатого первого зампреда – дорогого стоит.

– Отлично! – ободряюще кивнул Бородин, безошибочно приняв его затянувшееся молчание за согласие. – Уверен, справитесь. Если что, я на мобильном.

Он крепко стиснул руку Павловского и стремительно вышел из кабинета, оставив Влада размышлять о случившемся.

Буквально через пять минут появился помощник и вручил ему обещанные материалы. Немного. Всего на трех страницах. И самое неприятное, они почему-то напомнили страничку из пропавшей папки Бахтина! Только на этот раз название имелось – Индийская строительная компания, адрес регистрации – город Варанаси. Влад пригляделся. Нет, вроде бы, померещилось.

Через час должен был подъехать заместитель финансового директора компании.

– Владислав Сергеевич, вас там в переговорной клиентка дожидается! – сообщила Верочка, недовольно морща веснушчатый нос. – Попросила кофе, я ей чай принесла!

Клиентка оказалась брюнеткой неопределенного возраста в бесформенном брючном костюме. Она прихлебывала чай из принесенной Верочкой кружки и с суровым видом учительницы, проверяющей тетрадки первоклассников, изучала разложенные на столе бумаги.

«И откуда они таких только берут?» – мысленно скривился Павловский, украдкой отмечая массивные очки на поллица, гладко зачесанные волосы и нелепые накладные плечи старомодного пиджака. Весь его не слишком удачный опыт общения с женщинами сигнализировал, что перед ним явная представительница семейства стервоидных.

«Сейчас еще полезет с рукопожатием, эмансипация, чтоб ее!» – только подумал Влад, а она уже с неожиданной легкостью оказалась на ногах и решительно сунула ему жесткие,

сложенные совочком пальцы. Сказала с легкой хрипотцой:

– Валерия Валерьевна!

– Павловский. Владислав Сергеевич, – сухо представился он в ответ, всем своим видом давая понять, что времени у него в обрез. – Если не возражаете, я бы хотел... – Мне назвали вашу фамилию, – очень невежливо перебила его гостья, – утверждали, что вы должны решить наш вопрос. Давайте я сначала введу вас в курс дела, а дальше мы с вами вместе обсудим варианты совместных действий...

Павловского покорила ее напористость. Он возмущенно открыл рот, чтобы осадить нахалку, но, словно загипнотизированный блеском стекла ее уродливых очков, неожиданно для себя смешался и промолчал.

Из ее на удивление точных объяснений удалось вычленить главное. Их московская фирма собирается строить в Индии недорогие гостиничные комплексы. Эффективность проекта высокая, так как местная рабочая сила и материалы стоят копейки. У них есть завязки с городскими властями. Сама Валерия Валерьевна там не была, но в Индии находится их дочерняя компания.

Они уже вложили свои средства, но внезапно потребовалась банковская гарантия на десять миллионов долларов. Срочность как-то связана с местным законодательством. Директор их индийской компании оборвал все телефоны. Ему самому каждый день звонит заказчик. Контракт давно подписан, работы начались, а все сроки выдачи банковской га-

рантии исполнения контракта прошли. Александр Владимирович рекомендовал Павловского как человека, который должен решить возникшую проблему.

Когда финансистка наконец умолкла, Влад перелистал принесенную ею презентацию, пробежал глазами справку, вглядываясь в цифры финотчетности. Вроде все не так уж плохо. Для предварительного решения кредитного комитета информации хватает.

– Знаете, Валерия Валерьевна, – неохотно сообщил он, оторвавшись от бумаг, – с финотчетностью головной компании все, на первый взгляд, нормально. Полугодие закончили с прибылью. Компания не перекредитована. У индийской дочки, сами понимаете, – баланс нулевой. Но это не так уж важно! Сделку структурируем так, что основной риск все равно будет на вашей российской компании.

Он с неудовольствием отметил, что она восприняла его слова как должное, словно ни секунды не сомневалась в его согласии, и, сухо распрощавшись с финансисткой, позвонил начальнику кредитного департамента. Требовалось срочно сделать проект решения кредитного комитета. Однако его ждал неприятный сюрприз. Главный кредитник сообщил, что готов поторопить своих ребят с новой заявкой, но, при всем уважении к Павловскому, наотрез отказывается делать ее прямо сейчас. Будет личное распоряжение Бородина отложить другие срочные дела – тогда пожалуйста!

Павловский вскипел и бросился звонить Бородину.

– Александр Владимирович, – начал он, – вы сказали, сегодня нужно успеть на комитет... Я говорил с кредитниками, они вообще не в курсе этого проекта. Заявку делать отказываются! Сказали, от вас никаких указаний не поступало... Не могли бы вы...

– Владислав Сергеевич! Вы же член правления! Неужели такой простой вопрос решить не можете! – услышал он в трубке раздраженный ответ Бородина. – Нужна обычная короткая заявка! Давайте, Владислав Сергеевич, разберитесь там у себя! Мне от вас нужны не жалобы, а результат!

Павловский некоторое время сидел, слушая гудки в трубке. Бред какой-то! Его департамент должен готовить материалы на кредитный комитет по чужому вопросу, да еще и докладывать! Нужно было сразу отказаться, как только появилось это непонятное задание... Черт бы побрал Бородина с его доверием! Что делать?

Так и не найдя ответа на извечный русский вопрос, Павловский вызвал своего самого толкового сотрудника. Совместными усилиями им за пару часов удалось закончить начатое. Результат их труда не выглядел шедевром, однако, с учетом катастрофического отсутствия информации, особых нареканий не вызывал.

Разумеется, он сразу предупредил членов комитета, что заявка по индийской гарантии выносится по личному поручению Бородина. К его удивлению, никто даже не поинтересовался, почему он докладывает об этой сделке. Уточнили

мелкие детали, задали пару ничего не значащих вопросов.

Начальник кредитного департамента, видимо, чувствуя свою вину перед Павловским, даже отметил неплохое финансовое состояние клиента. Утвердили «единогласно».

Естественно, он тоже голосовал «за». Успокаивало Влада лишь то, что завтрашнее правление еще раз будет рассматривать решение кредитного, прежде чем утверждать.

После комитета Павловский сразу набрал номер Бородина и, испытывая постыдный прилив гордости, доложил, что поручение выполнено. Услышал в трубке ободряющее: «Молодцом! Я в вас и не сомневался!». Настроение сразу улучшилось. В этот день, повинувшись неясному порыву души, он даже предложил Верочке отпустить ее на учебу на полчаса пораньше, чем та не преминула воспользоваться.

Глава 4

Разница часовых поясов

А на следующий день вопрос на правление не попал. Оказалось, по сумме он вписывался в полномочия кредитного комитета. И это было очевидно всем, кроме Павловского. А ведь кому, как не ему, следовало об этом знать?

Вчерашняя суета и потеря бдительности оборачивались будущей головной болью. Влад клял себя на чем свет стоит, вертя в руках выписку из протокола, где он значился докладчиком.

Прошло еще дня два. Бородин в последнее время часто отсутствовал. Он мотался по командировкам, объезжая неблагополучные филиалы и встречаясь с клиентами в регионах. Замещавший его другой зампред особых решений старался не принимать. Поэтому на членов правления и директоров департамента постоянно сыпались звонки Бородина. Его секретарь все время кого-то соединяла с шефом, и с другого конца страны летели новые указания.

Соглашение о выдаче индийской гарантии и текст самой гарантии Павловскому принесли после обеда в ма-111-линовой папке. К ним прилагались немногочисленные документы – протокол заседания кредитного комитета, доверенность Павловского и куцый контракт с индийским заказчиком.

На трех страницах говорилось о создании сети гостинич-

ных комплексов класса две звезды. Их предполагалось построить в каком-то Варанаси. Название ни о чем не говорило Владу, а сам город, казалось, находился в другой галактике. Павловский с опаской втянул ноздрями острый, нездешний запах желтоватой бумаги, на которой чернели ровные строчки контракта, и поморщился – пахло неприятностями.

Не прошло и пяти минут, как позвонила Валерия Валерьевна.

– Владислав Сергеевич! Выручайте! Мне передали, что соглашение по гарантии у вас на подписи. Давайте я подъеду через час, – загремел в трубке знакомый голос. – Извините, Валерия Валерьевна, но документов для выдачи не полный комплект... – попытался возразить Павловский.

– Доведем! Завтра! Все, что скажете! Но гарантия нужна сегодня!

– Необходимо согласовать с руководством ряд моментов, – теряя уверенность в голосе, запротестовал он.

– Но Владислав Сергеевич! Ведь решение кредитный комитет уже принял! – усилила напор финансистка.

– Я вам перезвоню через час, – выкрутился Павловский.

Едва положив трубку, он принялся лихорадочно набирать номер Бородина.

– Александр Владимирович, – голос срывался на подростковый фальцет, но Влад этого не замечал, – Александр Владимирович, мне тут принесли соглашение...

Гарантия по индийскому проекту... Я... я не могу это

подписывать!

– А в чем дело, Владислав Сергеевич? – невозмутимо поинтересовался Бородин, подчеркнуто игнорируя панические нотки в голосе подчиненного.

– Но как же... Проект сырой, практически не проработан!

– Подождите, Владислав Сергеевич! Мы с вами позавчера о чем говорили? Я просил вас, как члена правления, разобраться в вопросе. Так? Или я что-то путаю? – Ну да... Вы так сказали... Но я думал...

– Владислав Сергеевич, – все тем же спокойным отеческим тоном прервал его Бородин, – извините меня, не знаю о чем вы думали, но вы изучили вопрос и вынесли его на кредитный комитет. Комитет принял положительное решение, – первый зампред сделал паузу и вдруг заговорил так зло и отрывисто, будто вбивал гвозди в телефонную трубку. При первых же словах Павловский непроизвольно съежился: – Если он, я имею в виду ваш проект, сырой, то какого черта вы мне об этом не сообщили? Клиент рвет и мечет, ему уже подтвердили, что гарантия будет сегодня!

– Но я думал, правление...

– Причем тут правление! Вас брали в банк как высококлассного специалиста. В сложной ситуации я понадеялся на ваш опыт, профессионализм, в конце концов! Вот что! Предлагаю на этом закончить разговор. Берите материалы, смотрите все еще раз, но только быстро! Если накопаете что-то конкретное, скажете мне. Если это ваши фантазии, то луч-

ше...

Последовала тяжелая нехорошая пауза, и Павловский явно и предвзято представил пристальный взгляд зампреда из-под ключковатых бровей и резкие складки морщин у переносицы.

На том конце положили трубку. Влад некоторое время сидел в оцепенении, а затем мысленно встряхнулся и придвинул к себе стопку документов.

Проблема крылась в том, что копать было нечего, данных по проекту катастрофически не хватало.

Он еще долго рылся в цифрах финансовой отчетности, прикидывал так и этак. Да, о проекте практически ничего не известно, но сама-то головная компания вроде как неплохая...

А может, черт с ним? Взять и подписать! Рука потянулась к внутреннему карману, где лежала тяжелая серебряная ручка, подаренная бывшей женой на первую годовщину свадьбы.

Нет! Павловский отдернул пальцы, точно обжегшись. В этом деле ему не нравилось буквально все, начиная от невнятного контракта и заканчивая названием города. Ну что же... Нужно звонить Бородину и говорить, что он отказывается.

Аргументов у него, правда, за это время не прибавилось. Ясно, что на этом его деятельность в качестве члена правления закончится. Ну да ладно! Неизвестно, что дороже – ны-

нешняя зарплата или нервы, которые, как известно, не восстанавливаются. Дом, конечно, жаль, накрылась ипотека! И со следователем какая-то чертовщина творится...

Наконец, окончательно решившись, Павловский набрал номер телефона Бородин. Тот не отвечал. Посидев некоторое время и послушав мерные гудки, Влад не успокоился. Он сбросил звонок и набрал первую приемную. Секретарь сразу взяла трубку.

– Извините, это Павловский, – представился он уверенным тоном, хотя знал, что его фамилия определилась у нее на экранчике телефона. – Не могли бы вы прямо сейчас соединить меня с Александром Владимировичем?

Повисла пауза, а затем удивленный голос секретарши произнес:

– Александр Владимирович на Дальнем Востоке, у них там давно ночь.

Чертыхнувшись про себя, Павловский извинился и положил трубку. Он не знал, куда именно уехал Бородин, и мысли о часовых поясах даже не приходили ему в голову! Вот это подстава! Казалось бы, какая разница? Он и так принял решение, которое наверняка будет стоить ему нынешнего места работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.